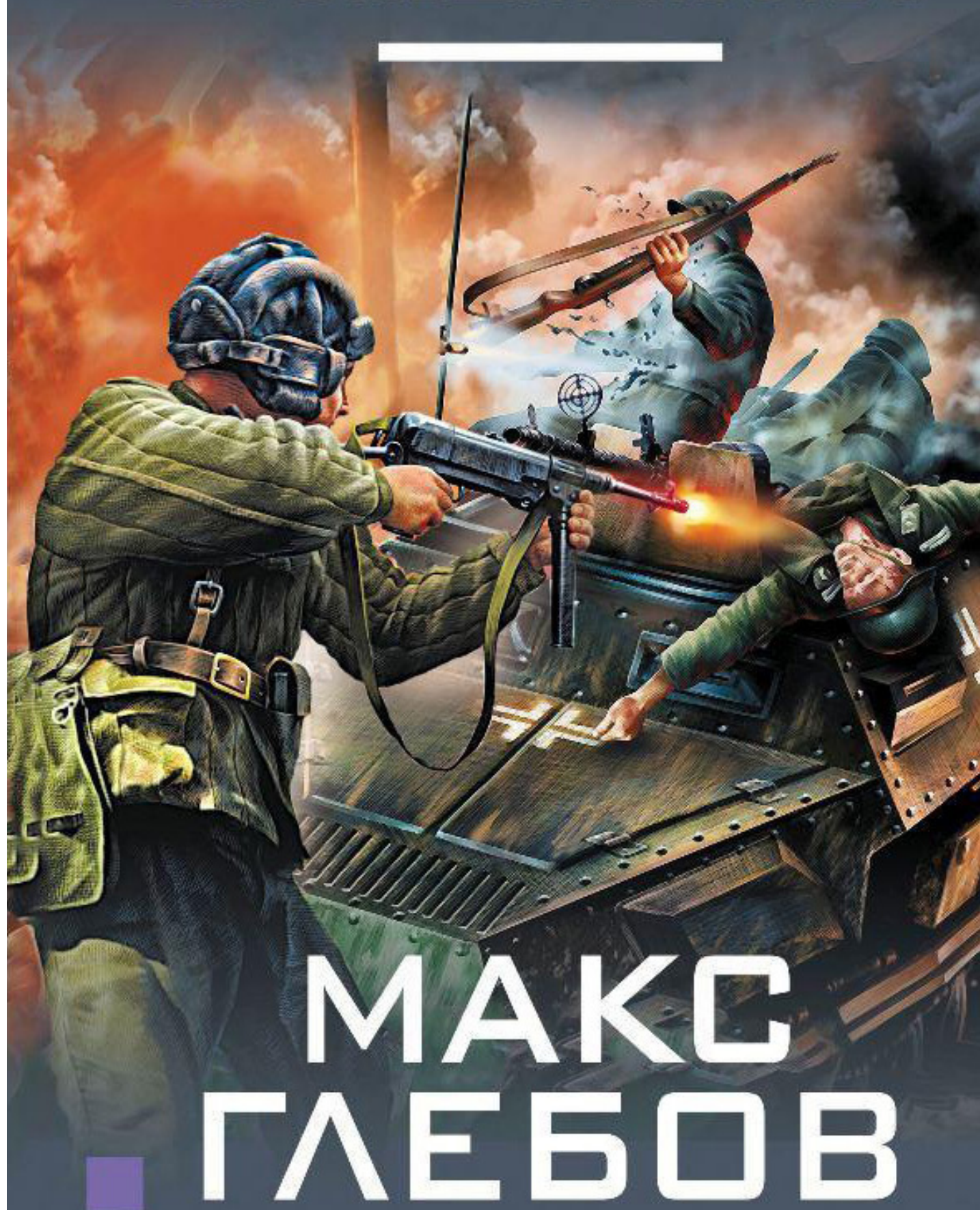

ЛитРес:

ЗАПРЕТ НА ВМЕШАТЕЛЬСТВО

МАКС
ГЛЕБОВ

Запрет на вмешательство

Макс Глебов

Запрет на вмешательство

«Автор»

2019

Глебов М. А.

Запрет на вмешательство / М. А. Глебов — «Автор»,
2019 — (Запрет на вмешательство)

Эскадрилья космических истребителей лейтенанта Ирса охраняет научную базу высокоразвитой космической цивилизации, размещенную на Луне. Группа ученых на базе занимается исследованием развивающейся цивилизации на планете Земля. Однако в республике, которой принадлежит лунная база, вспыхивает мятеж, быстро перерастающий в полномасштабную гражданскую войну. На базу нападает крейсер повстанцев, разрушает ее, но и сам гибнет в бою. Ирс – единственный выживший. Его истребитель поврежден, и у него нет другого выхода, кроме посадки на Землю, где уже началась вторая мировая война.

© Глебов М. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Макс Глебов

Запрет на вмешательство

Глава 1

Скоростной лифт с тихим шелестом нес меня к полетной палубе. Вой сигнала тревоги не способствовал укреплению душевного равновесия, а периодические толчки, достигавшие шахты лифта даже сквозь многометровый слой грунта и брони, подсказывали мне, что база еще держится только каким-то чудом. Похоже, защитное поле еще не сдохло окончательно, и содрогания пола кабины – это лишь вибрации от взрывов боеголовок, бьющих по не прикрытой полем периферийной инфраструктуре лунной базы. В ином случае лифт бы уже никуда не ехал.

Что сейчас творится на поверхности и в космосе, я мог только догадываться, но творилось там нехорошее. Лифт резко затормозил. Куда резче, чем я этого ожидал, и меня буквально выбросило в ангар, где одиноко стоял мой истребитель. Вся эскадрилья уже ушла в бой, и только меня тревога застала на нижних ярусах базы, что, видимо, и спасло мне в итоге жизнь.

Запрыгнув в кабину и подключившись к интерфейсу боевой машины, я с ужасом осознал, что моих товарищей уже нет в живых. Видимо, они погибли в первые же минуты боя, пытаясь не позволить пока неизвестному мне противнику безнаказанно расстреливать базу с низкой орбиты. Что происходит в космосе, я по-прежнему не видел. Данные со сканеров не поступали, и, боюсь, я понимал причину этого явления. Запустив двигатель, я, цинично поправ все полетные инструкции, приподнял истребитель над палубой и немедленно включил форсаж. Других машин, кроме моей, в ангаре не было, а заботиться о сохранности оборудования базы в свете происходящего я не видел никакого смысла.

Палуба, стены и потолок ангара слились для меня в размытые тени. Мелькнули раздвинутые в стороны створки внешних ворот, и надо мной открылся космос во всей своей черноте с яркими точками звезд и многочисленными рукотворными вспышками взрывов ракет и снарядов.

Я едва успел. Сканеры задней полусферы бесстрастно зафиксировали момент попадания тяжелого снаряда в ангар, из которого только что вырвался мой истребитель. Защитного поля над станцией приборы уже не видели, так что снаряду никто не мешал, и ангар превратился в жерло извергающегося вулкана.

На тактической проекции передо мной во всей своей беспощадности развернулась, наконец, полная картина битвы. Нашу лунную базу атаковал крейсер повстанцев. Откуда он взялся в этой глуши, о которой и знали-то всего несколько сотен ученых и военных во всей Шестой Республике, мне было совершенно неясно. Но сейчас это не имело никакого значения. Крейсер нависал над базой и бил по ее сооружениям уже не только главным калибром, но и плазменными пушками. Хорошо хоть аборигены не могли видеть эту огненную вакханалию, происходящую на их естественном спутнике – база располагалась на обратной стороне Луны. Мысль эта возникла в моей голове автоматически, сказался последний год, проведенный мной на исследовательской станции, наблюдавшей за недавно обнаруженной новой человеческой цивилизацией. При таком уровне развития местных жителей Центральная Республиканская Академия категорически не приветствовала любое вмешательство в их дела, и мы всячески старались себя не обнаруживать.

Сквозь треск помех, наводимых системами радиоэлектронной борьбы крейсера, до меня наконец-то достучался хоть кто-то из командования базы.

– Седьмой, слышишь меня? Здесь полковник Нивен.

– Седьмой на связи. Слышу вас, но плохо.

– Заставь его сместиться в сторону пятой батареи ПКО. Это последнее, что у нас осталось. Мне нужно сократить подлетное время. Любой ценой! Я не знаю, как ты это сделаешь, но он должен зависнуть прямо над пусковыми шахтами, иначе все будет зря. Понял, седьмой?

– Вас понял. Выполняю.

Ну и приказ! Это как я буду заставлять крейсер сместиться? Он же крейсер, а кто я? Букашка по сравнению с ним. Тем более, что сканеры повстанцев меня уже засекли, и сейчас по мне начнут долбить ракетами малого радиуса, благо из зенитных пушек им меня пока не достать. Все, что у меня есть против них – скорость и маневренность. Хорошо хоть авианосец они с собой не притащили, тогда бы сразу была труба. Но моим товарищам и крейсера за глаза хватило, вспомнил я, автоматически отмечая места падения обломков машин моей эскадрильи на поверхность Луны.

Я вновь включил форсаж. Плевать на ресурс – понятно, что этот бой, скорее всего, последний. Истребитель может хоть что-то сделать крейсеру, только зайдя с кормы. Нежные двигательные установки, конечно, прикрыты броней по максимуму, но эмиттеры плазмы не спрячешь в броневой кокон, так что призрачный шанс есть. А мне и не нужно повреждать крейсер – только создать угрозу и заставить совершить маневр в нужном мне направлении.

База умирала. Это было совершенно очевидно, но полковник Нивен не зря считался опытным офицером, и умел терпеливо ждать, когда этого требовала боевая обстановка. Представив себе, как он там, среди рушащихся перекрытий на нижнем уровне бункера, пытается не потерять управление немногими уцелевшими системами, я еще прибавил скорость, хоть, казалось, что это уже невозможно. Лунная база, конечно, строилась, как объект двойного назначения, но все-таки, прежде всего, она задумывалась как исследовательская, а не как военная, так что долго выдерживать огонь крейсера она не могла, я это понимал прекрасно.

Думаю, командир крейсера быстро сообразил, что я собираюсь атаковать его корабль сзади, да и нетрудно было догадаться. Я обходил противника по большой дуге как раз со стороны той самой пятой батареи, которая пока молчала и никак себя не обнаруживала, поэтому и была еще цела. Самым логичным действием корабля повстанцев, если он вообще сочтет нужным как-то реагировать, было бы подрезать мою траекторию, сократив расстояние между нами, и в результате резко повысить эффективность работы всех своих зенитных систем. Я очень надеялся, что командир повстанцев так и поступит, но пока он упорно продолжал долбить базу, не желая отвлекаться на такую мелочь, как мой истребитель.

Мне требовалось как-то спровоцировать врага. В принципе, помимо того обходного маневра, который я сейчас предпринимал, существовал еще один путь, которым я мог попасть за корму крейсера, причем так было бы даже быстрее, вот только шансов на успех в этом варианте почти не просматривалось. Если прижаться вплотную к корпусу корабля противника и на форсаже лететь вдоль него, то системы наведения просто не будут успевать отслеживать истребитель – слишком малое время он будет находиться в зоне их действия. Правда, к борту еще надо прорваться, и в этом, собственно, и заключалась главная проблема. В эскадренном бою такие маневры не редкость, но там вражеский корабль атакуют сразу десятки истребителей и торпедоносцев, и внимание зенитных средств размазано между ними. Здесь же я один, и весь арсенал ближней обороны крейсера будет бить по моей машине, так что не стоит и пытаться, но намерение можно продемонстрировать.

Я бросил истребитель в резкий вираж и сам пошел на сближение с крейсером. Обработанные таким подарком зенитчики повстанцев встретили меня дружным ракетным залпом. На таком расстоянии это пока было не очень страшно. Средства радиоэлектронной борьбы истребителя достаточно надежно подавляли системы самонаведения ракет противника, а маневренность моей машины вполне позволяла мне уворачиваться от не слишком точно летящих ракет. Тем не менее, долго этот танец продолжаться не мог. Это понимал я, понимал это и командир крейсера повстанцев, и его такой расклад более чем устраивал.

Я несколько раз хаотически дернул машину в разные стороны, имитируя панику при подходе очередной волны ракет, вновь развернулся и рванул от крейсера, как бы в отчаянии пытаясь увеличить дистанцию. Почуввав возможность быстро решить хоть и мелкую, но неприятную проблему, командир повстанцев решил не дать мне возможности оторваться, и крейсер тяжело качнулся, вслед за мной.

– Седьмой, ты молодец, – донесла до меня голос полковника система связи, – но этого мало! Тяни его дальше.

Каждая секунда промедления могла стать для меня последней. Одно дело дразнить крейсер на параллельных курсах, уходя от его ракет резкими маневрами, и совсем другое удирать от него, когда по сторонам без существенной потери скорости особо не подергаешься. По хорошему мне стоило включить форсаж и быстро выйти из зоны эффективного огня зенитных средств врага, но тогда крейсер бросит преследование и все будет зря. Я скрипел зубами, но терпел. Близкий взрыв ракеты хлестнул по тонкой броне истребителя веером поражающих элементов. Взыл сигнал оповещения о повреждениях и тактическая проекция высветила передо мной список вышедших из строя систем. Пока ничего смертельного – наиболее важные узлы истребителя дублированы, иногда неоднократно, но еще пара таких подарков и повреждения станут критическими. Я резко сменил вектор тяги и с переворотом ушел в сторону, на чем потерял еще несколько сотен метров дистанции, но увернулся от очередной волны ракет. Еще немного и по мне начнут бить зенитные пушки, вот тогда – точно хана, да и ракеты на такой дистанции наводятся куда эффективнее с помощью подсветки с крейсера.

Что-то изменилось в картине боя, и я не сразу понял, что именно. Мне было как-то не до того, что происходит на поверхности Луны, да и вообще где-либо, кроме небольшого участка космоса, где танцевал в пляске со смертью мой истребитель. А, между тем, изменилось многое. Крейсер попытался резко сменить курс в сторону открытого космоса, а потом несколько раз тяжело содрогнулся всем корпусом, надломился и начал разваливаться на куски.

– Седьмой, ты меня слышишь? – помехи исчезли, но голос полковника Нивена я расслышал с трудом, настолько он был слаб.

– Слышу вас, первый. Наблюдаю разрушение крейсера повстанцев. Обломки захвачены притяжением Луны и падают на поверхность.

– И рад бы поздравить тебя с победой, лейтенант, но поздравлять не с чем – в этом бою проиграли все. Базы больше нет, тебе некуда возвращаться. Мне осталась пара минут, сейчас здесь все окончательно обрушится.

Словно в подтверждение слов полковника я услышал из системы связи грохот и вскрик. Тем не менее, через несколько секунд Нивен вновь вышел на связь.

– Скорее всего, сюда никто не прилетит еще многие годы, а может и никогда. Гражданская война в центральных мирах Республики приняла куда большие масштабы, чем те, о которых вам говорили. Наступает хаос, и об этой дальней базе в ближайшие десятилетия никто не вспомнит, – полковник тяжело закашлялся. – Мне уже все равно, но тебе умирать не за чем. Будь все как раньше, я представил бы тебя к Ордену Первого Консула – заслужил. Вот только, боюсь, некому будет ни писать представление, ни ставить на него резолюцию. Разрешаю посадку на планету и отменяю запрет на вмешательство в жизнь аборигенов. Там такие же люди, как мы, а может и лучше, если учесть то, что сейчас творится в Шестой Республике. Надеюсь, с твоей помощью они смогут избежать того, во что вляпались мы, если, конечно, ты сочтешь нужным им в этом помочь. На орбите уцелела часть сети научных спутников. Я уже передал вычислителю твоей машины коды доступа к ней. Это все, что я могу для тебя сделать. Прощай, седьмой.

Последние слова полковника были еле слышны, а через несколько секунд я вновь услышал в наушниках грохот рушащихся перекрытий, и сигнал пропал окончательно.

Я не послушался полковника и все же совершил посадку на поверхность Луны, но ни одного целого входа в базу так и не нашел – сплошные груды обломков и многометровые завалы. Даже пятую батарею ПКО, добившую вражеский крейсер, повстанцы успели уничтожить перед своей гибелью. Если на нижних уровнях базы кто-то и уцелел, помочь им я был не в силах. Постояв над руинами базы еще несколько минут, я вернулся к истребителю и запустил двигатель.

Обогнув Луну, я направил машину к планете. Половина голубого шара лежала в тени, и я чуть подправил курс, чтобы войти в атмосферу над дневным полушарием. Я не был ни историком, ни специалистом по развивающимся цивилизациям, но год, проведенный на станции, и близкое знакомство с одной весьма симпатичной научной сотрудницей пробудили во мне интерес к этой теме, и каких-то знаний я даже нахватался. Хорошо, что Летра улетела в центральные миры месяц назад, а ведь я так переживал... Кто знает, как сложилась ее судьба в хаосе мятежа, но, по крайней мере, она не лежит сейчас под тоннами лунного грунта и обломками перекрытий в руинах лунной базы.

Там, внизу, по местному летоисчислению приближался к середине двадцатый век. Электричество, нефть, расцвет механики и электротехники, двигатели внутреннего сгорания, автомобили, танки, винтовая авиация, недавно отгремевшая одна большая война и уже стучащаяся в двери следующая, судя по всем признакам, еще более масштабная и разрушительная...

Здравствуй, мой новый дом!

Глава 2

Атмосфера встретила меня неприветливо. Космический истребитель не предназначен для полетов в плотной газовой среде, особенно если он имеет боевые повреждения. Нет, в экстренных случаях истребители вполне могут садиться на планеты, но при этом они обладают грацией чугунного утюга и перенапрягают двигатели работой в крайне неустойчивых режимах, ведущих к их быстрому износу, а иногда и выходу из строя.

Я пытался вести машину как можно аккуратнее, но уже на шестидесяти километрах над уровнем моря вычислитель истребителя начал со злобным писком выдавать сообщения о новых повреждениях, вызванных нештатным использованием маршевых и маневровых двигателей. Дыры в тонкой броне, пробитые поражающими элементами ракет мятежников, категорически не способствовали нормальному обтеканию машины встречным потоком воздуха, что при моей скорости приводило к сильному перегреву обшивки и расположенных непосредственно под ней технических отсеков, в которых проходили важные коммуникации. Машина на глазах теряла управляемость. Вычислитель выдавал весьма неутешительный прогноз. Я мог рассчитывать не более чем на пару минут более-менее управляемого полета, а дальше истребитель просто начнет разваливаться. Сейчас подо мной простирались бескрайние леса восточной части крупнейшего континента планеты. Вводя истребитель в атмосферу, я планировал совершить посадку гораздо западнее. Там начинались более населенные места, но все еще можно было надеяться приземлиться незамеченным. Теперь же выбора у меня не осталось, и, снизившись еще немного, я приказал вычислителю катапультировать спасательную капсулу. Резкий рывок, запредельная перегрузка до красной пелены в глазах, кратковременная потеря сознания... Все-таки система катапультирования космического истребителя совсем не рассчитана на выброс капсулы с пилотом в плотных слоях атмосферы.

Рев одноразовых тормозных двигателей, треск ломающихся древесных стволов, сильный удар, сотрясший капсулу и снова выбивший из меня сознание. Впрочем, боевой скафандр быстро привел меня в чувство, впрыснув в кровь необходимый коктейль стимуляторов.

Не знаю уж, что случилось с вычислителем, катапультировавшимся вместе со мной в спасательной капсуле, но он зачем-то переключился в голосовой режим коммуникации. Хотя, может быть, это и было предусмотрено какими-то регламентами и инструкциями, уже не помню.

– Лейтенант Ирс, – донеслось из наушников шлема, – вы совершили аварийную посадку на планету Земля. Спасательная капсула повреждена при ударе о поверхность. Нарушена целостность корпуса. Тест систем жизнеобеспечения провален. Система связи повреждений не имеет. Энергетическая установка функционирует в штатном режиме. Внешние условия пригодны для жизни. Состояние вашего организма удовлетворительное.

– Где упал истребитель?

– Точное место падения указать не имею возможности. Истребитель разрушился и частично сгорел в плотных слоях атмосферы планеты. Отдельные обломки достигли поверхности на расстоянии от десяти до тридцати километров к западу от точки приземления спасательной капсулы – ответил вычислитель и спроецировал на забрало моего шлема карту прилегающей местности с областью рассеяния обломков.

– Превосходно, – не удержался я от едкого комментария. Вычислитель мои слова невозможно проигнорировал.

* * *

Итак, что мы имеем в активе? Ну, во-первых, пригодная для жизни планета, населенная не такими уж и дикими людьми. Последнее утверждение, конечно, несколько натянуто, но, учитывая обстоятельства, господин лейтенант, я бы на вашем месте не привередничал. Основные языки аборигенов я знаю – спасибо Летре и ее гипнолингвистической аппаратуре. Местную историю я помню довольно поверхностно, но то, что здесь творилось в течение последней сотни лет, представляю неплохо, да и вычислитель, если что, всегда подскажет, так что в этой части с натурализацией, надеюсь, проблем не возникнет. Что еще? А еще у меня кое-что сохранилось из технических средств, до которых этому миру еще лет двести пыль глотать. Прежде всего, конечно, выживший при посадке вычислитель и остатки сети спутников на орбите. При наличии работоспособной системы связи это очень много. Кроме того, есть личное оружие, хотя по здравому размышлению тащить с собой плазменный пистолет, наверное, не стоит, как и любое другое снаряжение, объяснить происхождение которого я не смогу. Следовательно, придется мне подальше спрятать скафандр, личное оружие и прочее сохранившееся оборудование, кроме того, которое можно носить незаметно, а такое у меня тоже имеется. Спасибо пилотской паранойе – все мы предпочитаем на крайний случай иметь резервную прицельно-навигационную систему и средства связи, энергонезависимые от истребителя, но способные работать в паре с его вычислителем. В моем случае это контактные линзы, на которые при необходимости проецируется информация с десятка устройств размером не больше горошины, размещенных в различных органах и тканях моего тела. Например, в ладонях, под кожей за ушами, в печени, почках и даже сердце. Вместе эти компоненты фактически являются весьма своеобразным вычислителем, части которого несколько разнесены в пространстве, что ничуть не мешает им работать, как единое целое. А вот в мозг ничего толкового втыкать так и не научились – практика показала, что не нужно этого делать, не идет это человеку на пользу. В общем, будет мне, чем местных жителей удивить, даже не демонстрируя им высокотехнологичные устройства.

Теперь минусы и проблемы. Главное – я здесь никто. Взятся неизвестно откуда, никак не вписан в местную социальную среду, а она тут весьма специфична и не в меру подозрительна к чужакам. Государство мне попало во многом параноидальное, видящее врагов и шпионов чуть не в каждом втором своем гражданине, и столкновения с его силовыми структурами мне избежать вряд ли удастся. То есть нужна внятная и непротиворечивая легенда. Конечно, технический уровень здесь невысок, даже фотографии на документах плоские, черно-белые и такого качества, что лучше бы их не было. Единых баз данных нет вообще, а те, что есть – на бумажных носителях. Просто рай для разведчика-нелегала, от которого я мало чем на данном этапе отличаюсь. Но вот есть одна беда – нет у меня средств для изготовления липовых документов даже такого качества. На лунной базе это, конечно, сделали бы на раз, а вот проектировщикам спасательных капсул и боевых скафандров как-то не пришло в голову оснастить свои изделия подобными устройствами. Можно, конечно, попробовать воспользоваться чужими документами, но их надо где-то взять, что в условиях мирного времени не так просто сделать, да и возраст и пол должны совпадать, как и внешность, хотя бы в общих чертах. Ну и проколоться при таком подходе проще простого на любой мелочи, связанной с биографией персонажа, чьи документы я попытаюсь присвоить.

Размышляя над всем этим, я параллельно маскировал место падения спасательной капсулы, в которую аккуратно сложил все то, что с собой решил не брать. Одежды, подходящей для местных реалий, у меня, естественно, не нашлось, так что пришлось пока остаться в летном комбинезоне, надеваемом под боевой скафандр, благо поздняя весна в этих широтах не

обещала серьезных холодов. Местечко, где я оказался, представляло собой глухую тайгу, так что с маскировкой не такой уж большой капсулы особых проблем у меня не возникло.

Примерно через час, проверив все еще раз и убедившись, что связь с оставшимся в капсуле вычислителем и со спутниками на орбите функционирует штатно, я заставил ближайший к точке моего приземления сателлит сделать снимок с орбиты, чтобы убедиться, что пилот какого-нибудь случайного самолета, если его занесет в эти края, ничего любопытного не заметит. Обломки истребителя и спасательную капсулу тайга проглотила надежно, но в паре мест все же поблескивали на солнце наиболее крупные обломки, и я решил проложить свой маршрут таким образом, чтобы пройти мимо них и окончательно ликвидировать следы своего вторжения в этот мир.

Сверившись с картой, я лишь покачал головой. Занесло меня не куда-нибудь, а в Тувинскую Народную Республику. Это странноватое государство образовалось в южной Сибири через четыре года после коммунистического переворота в России. Пережив смутные времена гражданской войны, захват войсками адмирала Колчака и последующую китайско-монгольскую интервенцию, республика, не без помощи Красной Армии, провозгласила независимость, которая была признана Советским Союзом и чуть позже Монголией. Почти весь остальной мир считал эту территорию частью Китая, и признавать ТНР отказался. Впрочем, несмотря на формальную независимость, власть в республике принадлежала все тем же коммунистам, только местного разлива, считавшим товарища Сталина старшим братом и учителем.

Мне с моей внешностью, близкой к европейской, среди местного населения остаться незамеченным было не так уж просто. Впрочем, русских в республике тоже хватало, и этот факт я намеревался повернуть к своей пользе.

Отсиживаться в тайге я не собирался. По прогнозам, составленным нашими учеными-историками с помощью вычислителя луной базы, выходило, что совсем скоро агрессивный и опасный западный сосед товарища Сталина развяжет войну против СССР. И, вроде как, он имеет все шансы поставить Советский Союз в очень неудобную позу, ибо после революции в этой большой стране под мудрым руководством Вождя и Учителя происходят события, мягко говоря, неоднозначные, так что все ее многочисленные танки и самолеты могут и не помочь в организации внятного отпора супостату.

Перспектива победы безумного Адольфа и захвата им власти над большей частью мира меня совершенно не радовала, и именно поэтому я изначально выбрал Советский Союз в качестве места высадки. Коллеги моей ученой подруги ели свой хлеб не зря, и редко ошибались в моделировании будущего цивилизаций докосмического уровня развития. Их расчеты говорили о том, что основная тяжесть войны с Гитлером ляжет именно на плечи товарища Сталина и граждан его страны, а не на англо-саксов, уже два года довольно активно бодающихся с Адольфом в Европе, Атлантике и Северной Африке. А на восточных рубежах страны Советов еще и самурайская Япония нет-нет, да поглядывает в сторону Сибири, вспоминая обиды, нанесенные ей у озера Хасан и реки Халхин-Гол. Правда, у этих воинственных желтолицых персонажей сейчас куда больше проблем с намечающимся американским эмбарго на поставку нефти, без которой островная империя загнется не через месяц, так через год, так что они-то как раз вряд ли полезут в драку с Советским Союзом. Но даже если война придет только с запада, ключевые события, которые определяют дальнейшую судьбу этого мира, будут происходить именно здесь.

Тайга на моем пути оказалась действительно глухой, но где-то в паре десятков километров от точки падения капсулы сателлиты рассмотрели заброшенную заимку старообрядцев, к которой я сейчас и приближался. Учитывая, что мне требовалась правдоподобная легенда и хоть какая-то местная одежда, проверить это место, безусловно, имело смысл.

Никакого опыта хождения по тайге я не имел, так что скорость передвижения оставляла желать лучшего. Идти приходилось, что называется, на общей эрудиции, поскольку выжива-

нию в лесах и джунглях кислородных планет в пилотской подготовке уделялось, мягко говоря, не слишком много времени.

К заимке я вышел, когда уже ощутимо стемнело. Место это действительно оказалось давно заброшенным. Те, кто здесь когда-то жил, видимо, ушли в тайгу и не вернулись. Причин у этого могло быть много. Опасных хищников вокруг хватало, и я уже не раз успел похвалить себя за то, что решил-таки в последний момент прихватить с собой штатный пистолет.

Забор из горизонтальных жердей давно проиграл битву с дождями и ветром и во многих местах зиял проломами. С хозяйственными постройками, стоявшими по периметру обширного двора, заросшего травой и молодыми деревьями, дело обстояло не лучше. Их осмотр не занял много времени. Если в этих сараях и загонах для животных и было когда-то что-то ценное, сейчас оно представляло собой лишь бесформенные кучи какого-то гнилья.

Дом, сохранился несколько лучше. Толстые бревна пока держались, а крышу хозяева подновили, видимо, почти перед самым своим исчезновением. Дверь слегка покосилась, но казалась еще довольно крепкой. Снаружи она была закрыта на засов, но замок отсутствовал, и я, повозившись немного с заржавевшей задвижкой, проник в давно покинутое жилище.

Судя по всему, здесь жил всего один человек. Нет, когда-то этот дом населяла большая семья, но потом, видимо, что-то произошло. Возможно, болезнь, а может и что-то еще. Но хозяин в итоге остался только один. В доме оказалось две жилых комнаты, прихожая и что-то вроде кухни, хотя с полной уверенностью идентифицировать назначение этого вытянутого помещения я не смог. Крыша во многих местах протекла, и часть обстановки была безнадежно испорчена, но кое-что все-таки сохранилось.

Тщательно обшарив грубо сработанную мебель, я стал обладателем пары относительно подходящих мне по размеру бесформенных, но довольно теплых штанов, трех ветхих рубаш, каких-то очень старых, но аккуратно заштопанных стеганых курток, нескольких смен странного вида белья и, главное, пачки пожелтевших бумаг, явно служивших местным жителям документами, удостоверявшими личность и закреплявшими социальный статус.

Я внимательно прочитал и запомнил имена живших здесь когда-то людей, даты их рождения, а в некоторых случаях и смерти. Общая картина складывалась плохо. Видимо, в этой глуши с документированием даже рождений и смертей все обстояло не слишком хорошо, что уж говорить о других, менее значимых фактах биографии граждан. Но кое-что я все-таки понять смог. Лежавшие в отдельном ящике документы принадлежали, видимо, последнему обитателю дома – Ивану Терентьевичу Нагулину, одна тысяча восемьсот девяностого года рождения.

Судя по названиям, которые я смог разобрать на нескольких потемневших от времени и сырости обложках книг, был он, как и вся его семья, старообрядцем, ушедшим в леса вместе с родителями еще в конце девятнадцатого века, и с тех пор, сидевшим в тайге практически безвылазно. По возрасту Иван Терентьевич вполне годился мне в отцы, и, немного поразмыслив, я решил, что лучшего варианта для своей легенды, я, наверное, не найду.

* * *

К началу войны я все-таки опоздал. Вышедший из тайги старообрядец, решивший после смерти отца вернуться в мир, вызвал у представителей власти республики законное недоверие. Отсутствие у меня других документов, кроме паспорта «родителя», выданного еще в царской России, тоже не способствовало моему плавному вхождению в местный социум. Мне повезло, что некоторые правильные слова я успел почерпнуть из выходящей здесь на русском языке газеты «Тувинская правда», грубо наклеенной на стену дома какого-то казенного учреждения города Кызыл. Местной народной милиции я сдался в сугубо добровольном порядке, вслед-

ствие чего бит был аккуратно и без излишеств, чисто для профилактики и понимания, в какую структуру попал.

Районный милицейский начальник, в чье заведение меня препроводили после задержания и первичной обработки, довольно скептически отнесся к моим словам про надоевшую до рвоты тайгу и жажду вернуться на родину предков. Похоже, мой случай был здесь не уникальным, хоть и достаточно редким. После допроса, проведенного со скукой в глазах, он накарябал на желтоватом листе бумаги какие-то слова и вызвал заспанного конвойного, который отвел меня в камеру с земляным полом и неровными плохо окрашенными стенами. Кормить меня никто здесь не собирался, но воды все-таки дали.

Уже ближе к вечеру за мной прибыл представитель местной службы безопасности. Эта организация носила сложное название «Управление государственной внутренней политической охраны». В отличие от милиционеров, прибывший оказался русским, и форма на нем была заметно качественнее. Под охраной бойца с сильно устаревшей даже по здешним меркам винтовкой меня отвезли в центральную часть города на весьма колоритном и нещадно благоувавшем гужевом транспортном средстве.

Мурыжить в камере меня не стали и сразу отправили на допрос. Здешние специалисты подошли к делу тщательнее, в том смысле, что били дольше и вдумчивее. Тем не менее, калечить меня они не собирались, ибо, вроде бы, пока было не за что. Я, естественно, сопротивления не оказывал, за исключением своевременного напряжения и расслабления необходимых групп мышц, а также легких движений корпусом и конечностями, помогавших минимизировать ущерб моему организму от не слишком ловких и умелых ударов следователей.

Первый допрос оказался всего лишь знакомством. Никаких внятных вопросов, кроме идиотских обвинений в шпионаже и работе на подрывные контрреволюционные организации я не услышал. Естественно, я на все делал круглые невинные глаза, изображая полное непонимание, и раз за разом тупо рассказывал про отца-старообрядца, погибшего в тайге, и выкошенную какой-то заразной болезнью остальную семью, которую почти и не помню. Впрочем, следователь особо и не настаивал. Видимо, здесь так было принято, и меня пропускали через стандартную психологическую обработку перед нормальным допросом, который состоялся только через неделю.

Не знаю, сколько бы длилась вся эта история, и, возможно, законопатили бы меня в итоге на какие-нибудь рудники или в лагеря, ибо бесплатная рабочая сила крепнущей экономике Народной Республики была совсем не лишней, но тут терпение у фюрера германской нации Адольфа Гитлера закончилось, и он так отдал приказ о нападении на СССР. Информация о начале войны всколыхнула Тувинскую Народную Республику с неожиданной силой. Настолько неожиданной, что ее довели даже до меня – бесправного арестанта, хотя мне-то как раз они могли бы этого и не рассказывать, поскольку знал я о происходящем куда лучше любого из здешних следователей, и даже лучше самого товарища Сталина, поскольку с низкой орбиты отлично видно, как выдвигаются к границе бесконечные колонны танков и пехоты, как суетятся техники на аэродромах, подвешивая бомбы к самолетам, и как, повинаясь железной воле своего фюрера, вся эта армада, рыча тысячами моторов, приходит в движение и под гул артиллерийской канонады переходит советскую границу.

Тувинская коммунистическая власть была многим обязана товарищу Сталину, так, что в тот же день, двадцать второго июня, объявила Германии войну, и устами Великого Хурала провозгласила, что «Тувинский народ во главе со всей революционной партией и правительством, не щадя жизни готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе Советского Союза против фашистского агрессора до окончательной победы над ним». Во как! И вот тут-то я и заявил, что тоже так хочу – не щадя и всеми силами!

Даже и не знаю, чем я убедил местную охранку, но, похоже, подрывного элемента или реального шпиона во мне все-таки не видели. Да и что взять с русского, который рвется в

дружественный Советский Союз воевать за товарища Сталина? Зачем тратить на него силы и время, если можно отпустить этого наивного молодого парня в СССР и заодно еще раз прогнуться перед могучим соседом в плане того, что «в едином порыве...», ну и дальше в том же духе. Таких как я, не в смысле вышедших из тайги без документов, а в смысле русских, желающих бить фашистских агрессоров вместе с советскими братьями, в Туве нашлось неожиданно много. Похоже, пропаганда, несмотря на явную дикость местности, была поставлена здесь на широкую ногу, причем, скорее всего, не без помощи советских товарищей.

В итоге мне выдали документ, в очередной раз поразивший меня своей вопиющей невнятистью и полным отсутствием средств защиты от подделки. Из этой бумаги следовало, что я – Петр Иванович Нагулин, одна тысяча девятьсот двадцать первого года рождения, русский. И, собственно, все. Ни гражданства, ни места жительства, ни образования, ни рода занятий, ни даже номера – ничего. В общем-то, понять местных товарищей, выдавших мне этот документ, было можно. Я утверждал, что даже точно не знаю, на чьей территории находилась заимка моего отца. Куда идти я знал лишь примерно, но шел много дней и вышел из леса в Туве. Очень хочу в Советский Союз и прошу местных товарищей мне помочь. Где мои документы? А не было их, в тайге-то, ну, или отец потерял или спрятал куда-то так, что я не нашел. В Туве меня никто оставлять не собирался, а дальнейшая судьба русского, попросившегося на войну в Советский Союз, их совершенно не интересовала. Жили как-то без него, пока из тайги не вышел – проживем как-нибудь и после, когда он отправится на родину предков добывать себе воинскую славу или, что куда вероятнее, жестяную звезду на обелиск.

* * *

Поезд шел медленно, кланяясь каждому столбу и подолгу застревая на неприметных полустанках. Влияние большой войны чувствовалось и здесь, но пока лишь по напряженным лицам местных жителей и обилию людей в форме.

Как я ни старался, но бюрократическая машина слишком медленно реагировала на внешние раздражители, даже такие сильные, как начало войны. Широко распропагандированная советскому народу непреложная истина, что «красная армия всех сильнее», привела к тому, что всю серьезность положения чиновники, особенно тыловые, осознали далеко не сразу.

В общем, в эшелоне, идущем к фронту, боец Петр Нагулин в моем лице оказался лишь в конце июля. Уже отгремели пограничные сражения, в которых погибла самая подготовленная часть кадровой армии СССР, уже две недели шли тяжелые бои под Смоленском, набирали обороты сражения за Киев и Ленинград, а на юге немцы и румыны выходили на подступы к Одессе. А я медленно тащился через огромную страну в вагоне-теплушке с трехъярусными нарами, до отказа набитом такими же, как я парнями, весело и уверенно рассуждающими о том, как они будут бить фашистов – политическая пропаганда и здесь работала без сбоев. Вот только каждые несколько часов я прикрывал глаза, притворяясь спящим, и просматривал спроецированные на поверхность контактных линз снимки с орбиты. То, что я видел, мне категорически не нравилось. Мы ехали в ад. С песнями, смехом и бесшабашным задором, присущим молодости.

Глава 3

Рядом со мной плюхнулся на нары высокий парень с круглым лицом и вечной улыбкой на губах. Я уже не раз обращал на него внимание – не сиделось человеку на месте. Кроме того, старший лейтенант НКВД, сопровождавший поезд, именно его назначил старшим по нашему вагону. Чувствовалось, что в мирной жизни был он неисправимым оптимистом, и свое легкое отношение ко всему происходящему притащил и сюда, в приближающийся к фронту деревянный вагон с пополнением для обескровленных в боях стрелковых дивизий.

– Ты чего такой мрачный, боец? – спросил парень, ерзая и устраиваясь поудобнее.

– Война, она, вообще, штука невеселая, – пожал я плечами, пытаясь дать понять беспокойному соседу, что к разговору не расположен.

– Да ты, никак, боишься? – в его голосе не слышалось никакого негатива, скорее, искреннее удивление, – Меня Борисом зовут, я из Воронежа родом.

– Петр, – представился я и пожал протянутую руку. – Конечно, боюсь. Глупо недооценивать противника.

– Ты это, – Борис понизил голос, но улыбка с его лица никуда не делась, – не дрейфь и говори тише, а лучше вообще помолчи, чем такое болтать. Если до замполита твои слова дойдут, огребешь проблем, а оно тебе надо? Моральный дух бойцов РККА высок и незыблем. И нечего его подрывать.

– Дух – это важно, – не стал я спорить, – значит, будем укреплять.

– Не, Петя, не боишься ты, – внимательно посмотрел на меня Борис, – это я поначалу подумал, твои слова услышав, да, видать, ошибся. Серьезный ты очень, и, похоже, знаешь что-то такое, чего нам, простым бойцам, знать вообще-то не положено.

Ну неужели на моем лице все прям вот так и написано? Так ведь и действительно недолго в неприятности вляпаться, если первый встречный насквозь меня видит...

– Мне отец про первую мировую рассказывал, – осторожно ответил я не в меру проницательному собеседнику, – Сам он не воевал, но с теми, кто там побывал, общался. Не хотел бы я в тех окопах оказаться. Немногие оттуда вернулись.

– Про империалистическую-то... – усмехнулся Борис, – ну, так там другое совсем было. За интересы буржуев народ погибал, а мы нашу социалистическую Родину защищать едем. Надо разницу понимать.

– Да я и не спорю, – решил я не обострять дискуссию. И так привлек к своей скромной персоне лишнее внимание, пора уже сменить скользкую тему. – Когда нам оружие выдадут, не знаешь? Неуютно как-то – фронт скоро, а руки пустые. Я в тайге вырос, там без ружья никак нельзя. Вот и сейчас будто голым себя чувствую.

– В тайге говоришь? Охотник? – заинтересовался Борис. Я обратил внимание, что и другие соседи по вагону начинают прислушиваться к нашему разговору.

– Конечно, охотник. В тайге все мужчины – охотники.

– И стреляешь, наверное, неплохо, при такой-то практике? – спросил сидевший на соседних нарах парень с непослушным вихром волос, который он все время безуспешно пытался пригладить.

– Отец был доволен, – уклончиво ответил я, – а самому мне судить сложно, не с кем сравнивать. Для успешной охоты моих умений хватало.

– Про оружие не знаю, – вспомнил о моем вопросе Борис, – выдадут, не беспокойся. Вот приедем, разгрузимся, распределят нас в боевую часть, там и оружие получим.

– Хорошо, если так... – я демонстративно зевнул и прислонился к покачивающейся стенке вагона, – Посплю я чуток, сморило меня что-то.

Я прикрыл глаза и слегка напряг нужные мимические мышцы, активируя интерактивный режим работы с контактными линзами. Для начала, где мы? Так, ближайшая крупная станция – Христиновка. Это на три сотни километров южнее Киева и километров на двадцать северо-западнее Умани. Будем мы там где-то через пару часов, если опять не застрянем, кого-то пропуская, или немцы не разбомбят путь. Обстановка на этом участке фронта меняется весьма стремительно. Киев пока держится, благодаря построенным еще перед войной укреплениям, но немцы упорно продвигаются на флангах, охватывая город с севера и с юга.

Вот на южный фланг нас и везут, только почему мы все еще едем вперед? Мы же не кадровая часть с оружием, боеприпасами и четко поставленной задачей. Из нас еще надо что-то сформировать, хоть как-то обучить тех, кто совсем не в теме, оружие выдать, наконец. А мы куда лезем? И почему так беспечно? Даже сюда уже должны залетать немецкие самолеты, а идущий к фронту посреди дня эшелон – не та цель, которую летчики люфтваффе сочтут второстепенной. Но это понятно мне, с моим уровнем информированности, которого сейчас нет здесь больше ни у кого, включая руководство РККА и вермахта, хотя у немцев с этим все же лучше – как ни крути, а господство в воздухе сильно улучшает качество авиаразведки.

Итак, о чем же еще не знают в высоких штабах? Или знают, но пока не успели должным образом отреагировать и отдать необходимые приказы. Связь здесь и сейчас... Не будем о грустном. А не знает в этом поезде никто, кроме меня, о том, что меньше чем в паре сотен километров к западу от нашего эшелона немцы бросили в бой свежую пехотную дивизию, и казавшаяся более-менее устойчивой оборона города Гайсин рухнула, похоронив под собой надежду удержать фронт. Восемнадцатый мехкорпус генерал-майора Волоха, несколько дней до этого цементирующий оборону двенадцатой армии, был расчленен на части, понес большие потери и стремительно теряет боеспособность, беспорядочно отходя на восток. Но даже не это самое страшное. На пути дивизии вермахта, взявшей Гайсин, еще хватает войск красной армии, которые хоть и отступают, но оказывают яростное сопротивление, регулярно переходя в контратаки. Гораздо хуже то, что воспользовавшись успехом соседей, первая горно-егерская дивизия генерал-майора Хуберта Ланца сформировала ударную моторизованную группу, которая за один день совершила семидесятикилометровый рывок на юго-восток, оказавшись в глубоком тылу советских войск, и в образовавшийся разрыв начали стремительно втягиваться все новые соединения немецкого сорок девятого корпуса. Оборона советских войск в районе Умани оказалась дезорганизована, и что там на самом деле происходит, никто в руководстве юго-западного фронта толком не знает. И вот в эту-то мясорубку мы и едем, оставаясь в безмятежном неведении относительно того, какая участь ждет нас в ближайшем будущем.

Я чувствовал абсолютное бессилие. Здесь и сейчас от меня ровным счетом ничего не зависело. Никто не будет слушать бредни рядового бойца, даже толком и не бойца еще, а так, зеленого новобранца, не нюхавшего пороха и даже не приписанного ни к какой воинской части.

Я открыл глаза, потянулся, разминая плечи и спину, и встал со своего места. У небольшого окна на удивление никого не было, и я выглянул наружу. Поезд все так же неспешно плелся вперед, демаскируя себя столбом дыма из трубы. На очередном изгибе пути я смог рассмотреть наш эшелон более подробно. На последней станции, где паровоз заправляли водой и углем, кто-то умный или просто достаточно ответственный решил все же не пренебрегать средствами ПВО в прифронтовой зоне и прицепил к поезду платформу с зенитно-пулеметной установкой конструкции Токарева. Стволы счетверенных пулеметов «Максим» образца тридцать первого года смотрели в небо, а над мешками с песком виднелись каски расчета.

Счетверённая зенитная пулемётная установка М4. Ее основа – четыре пулемета конструкции Максима. Разработана коллективом Н. Ф. Токарева в 1928-1931 годах. В мобильном варианте монтировалась на железнодорожных платформах и в кузовах грузовых автомобилей. Калибр 7,62 мм. Применялась для борьбы с воздушными целями на высоте до 1400 м. Успешно использовалась также против пехоты и небронированной техники.

Наличие хотя бы такой защиты от воздушного нападения не могло не радовать, но в ее высокую эффективность я не верил. Жаль, что пулеметная платформа располагалась через четыре вагона от меня – случись что, я даже не успею вовремя предупредить зенитчиков об опасности.

– Что высматриваешь? – рядом вновь оказался Борис.

– Да так, душно стало, решил свежим воздухом подышать.

– Это ты дым от паровоза свежим воздухом называешь? – усмехнулся мой не в меру разговорчивый попутчик, слегка поморщившись.

Ветер регулярно сносил угольный дым на вагоны, и запах действительно нельзя было назвать приятным – неизбежные издержки местных железных дорог. На самом деле это еще цветочки. Вот если бы мы ехали через тоннель...

Легкий зуд за ухом заставил меня насторожиться. Что-то нехорошее и опасное произошло совсем недалеко отсюда, и вычислитель, оставшийся в поврежденной спасательной капсуле, послал мне через один из спутников сигнал тревоги. Я подставил лицо набегающему потоку воздуха и прикрыл глаза.

Сейчас я словно бы сам находился на низкой орбите. Безоблачное небо позволяло рассмотреть на земле любую мелкую деталь. Впрочем, аппаратуре научных спутников особых помех не смогла бы создать даже плотная облачность. Я видел наш поезд, продолжающий свой путь на запад, видел все еще ничего не замечающих зенитчиков, а также приближающиеся к нам с юго-запада низколетящие цели, выделенные мерцающими красными рамками.

«Мессершмитты» Vf.109 – две пары, одна чуть выше другой. Идут уверенно, явно зная о нас и не желая раньше времени привлечь к себе внимание ПВО эшелона. До нас им лететь меньше минуты. Пояснительные надписи рядом с маркерами вражеских самолетов подсказывают, что это модификация «Е». Не самая последняя, но зато здесь, на восточном фронте, именно «ешки» немцы используют в качестве истребителей-бомбардировщиков. Самое то, что нужно для атаки на наш поезд.

И что делать? Предупредить никого, кроме соседей по вагону, я точно не успею. Поезду, конечно, уже прямо сейчас следовало бы начать торможение, но он и так плетется не слишком быстро. Тридцать секунд...

– Воздух! – заорал я, отворачиваясь от окна, – Быстро все из вагона!

Я метнулся к двери, откидывая в сторону фиксатор и упираясь в нее плечом. Створка медленно поехала в сторону.

– Ты чего орешь? – удивленно спросил Борис, выглядывая в окно. – Оставь дверь в покое! Там же нет никого!

– Глаза разуй! – злобно огрызнулся я, борясь с дверью, – «Мессеры»! Четыре штуки. С юго-запада заходят!

Длинный паровозный гудок и резкий рывок начавшего тормозить поезда послужили хорошим подтверждением моим словам, но я не стал терять время на продолжение дискуссии, выбрал момент, когда проносящаяся мимо земля показалась мне достаточно ровной, оттолкнулся посильнее и полетел в траву.

Приземлился я довольно удачно. Пару раз перекатился по не слишком каменистому грунту и, кажется, даже синяков себе не наставил. Последовать моему примеру, похоже, никто не торопился, а зря. На каждом вражеском самолете по четыре пулемета калибром под восемь миллиметров, плюс бомбы – по четверть тонны смертоносного груза. Нашему насквозь деревянному поезду хватит за глаза.

Я успел отбежать достаточно далеко и упасть в небольшой овражек, поросший не слишком густым кустарником, когда со стороны головы поезда донеслись первые взрывы и треск пулеметных очередей. Все верно, паровоз – первоочередная цель. Но там мелькнули только два узких силуэта – еще двое зашли с хвоста и сейчас обрабатывали эшелон бомбами и пулеметным огнем. От крыш и стен вагонов веером летели щепки. О том, что происходило внутри, я старался не думать. Помочь погибающим товарищам я не мог ничем. Все, что было в моих силах, я уже сделал.

Первыми на вражескую атаку отреагировали зенитчики и бойцы НКВД, сопровождавшие наш состав. Четверенные пулеметы били куда-то в небо, но даже мне из моего укрытия было видно, что опыта стрельбы по низколетящим скоростным целям у расчета очень мало, если, конечно, он есть вообще. Упреждение они брали неправильно, а скорректировать прицел по трассерам просто не успевали. Поезд все-таки остановился, и сейчас из горящих вагонов выпрыгивали люди. Никакой системы в их действиях я не увидел. Кто-то сразу падал на землю, то ли убитый, то ли просто в поисках укрытия. Другие пытались бежать к не слишком далекому лесу, но близким он мог показаться только тогда, когда по тебе не стреляют...

Взвод НКВД покинул свой вагон в относительном порядке, правда, навскидку я насчитал лишь половину его бойцов. Остальные, видимо, погибли при обстреле и бомбежке, но командир был жив, и, повинувшись его приказу, рядовые и сержанты разбежались вдоль поезда, пытаясь внести хоть какой-то порядок в царивший повсюду хаос.

Мое укрытие находилось метрах в тридцати от последнего вагона – несмотря на невысокую скорость, поезд успел проехать довольно приличное расстояние, прежде чем остановился. Немецкие самолеты парами проносились над разбитым эшеленом. Бомбы у них, видимо, закончились, но они продолжали поливать разбегающихся людей пулеметным огнем. Наша зенитная платформа уже с минуту не подавала никаких признаков жизни. Сквозь дым пожара

проглядывали неподвижные стволы «Максимов», беспомощно глядящие в небо. По «мессерам» никто не стрелял, и они заходили на цель, как на учениях.

Добежавший до последнего вагона боец в форме НКВД что-то кричал, но за треском пулеметов и гулом пожара я ничего разобрать не смог. Он попытался заглянуть внутрь вагона, но оттуда на него пахнуло таким жаром, что он отшатнулся и сделал два неловких шага назад.

– Прячься за вагон! – заорал я, видя, как вдоль поезда в его сторону бежит цепочка пыльных султанчиков, поднятых пулями.

Боец меня услышал, но, видимо, не понял, что я от него хочу. Он лишь повернулся в мою сторону, но тут пулеметная очередь перечеркнула его спину, и он, дернувшись несколько раз, завалился вперед, инстинктивно попытавшись уцепиться за стену вагона, но внезапно ставшие слабыми руки соскользнули, и парень сполз на землю, выронив винтовку.

Большинство из тех, кто успел выскочить из вагонов и не погиб в первые минуты бомбежки, уже преодолели почти половину расстояния до леса, но вражеские летчики не собирались давать им шанс уйти живыми. Кто-то пытался затаиться в складках местности или притвориться убитым, но помогало это слабо. Лежащий на земле человек – слишком удобная мишень для самолета.

Вылезать из такого удачного укрытия мне категорически не хотелось. Здесь на меня никто не обращал внимания, а от осколков надежно прикрывали наклонные земляные стенки. Но в тридцати метрах от моей позиции лежала вполне исправная на вид винтовка, и я знал, что в моих руках это оружие может дать бегущим к лесу людям несколько дополнительных секунд.

Я прикрыл глаза, разглядывая местность сверху. Вычислитель обрабатывал поступающее с орбиты изображение, отфильтровывая дымы, так что видел я все достаточно четко. Дождавшись, когда обе пары вражеских самолетов окажутся в неудобном для атаки положении, я выскочил из оврага и бегом метнулся к погибшему бойцу, а точнее, к выпавшему из его рук оружию.

Приклад винтовки Мосина, в просторечии «мосинки», удобно лег в мою ладонь. Оружие действительно оказалось неповрежденным, и я счел, что мне крупно повезло, причем дважды. Не только в том, что винтовку не разбило пулями, но и в том, что в руки мне попало именно это оружие. Да, прицельных приспособлений для стрельбы по скоростным низколетящим целям у нее не имелось, но они мне и не требовались. Зато «мосинка» обладала отличной для этого времени точностью боя. Фокус заключался в том, что ее ствол имел коническую форму, немного сужаясь от казны к дульному срезу. Это приводило к дополнительному обжатию пули при выстреле и не позволяло ей «гулять» в канале ствола.

Проверив оружие и убедившись, что винтовка заряжена и готова к стрельбе, я еще раз окинул взглядом поле боя. Бегущим к лесу людям, которых оказалось теперь куда меньше, требовалось еще секунд тридцать, чтобы достичь укрытия, но обе пары мессеров, одна за другой, уже заходили в атаку.

Я приложил винтовку к плечу и активировал боевой режим прицельно-навигационной системы. Конечно, изначально, она предназначалась совсем не для стрельбы из ручного оружия по самолетам, но при этом обладала большой гибкостью настроек, а в последние полтора месяца у меня имелось достаточно времени, чтобы адаптировать свои микроимпланты и контактные линзы к местным реалиям.

Вместо сплошного дыма, от горящего поезда я увидел чистое небо с четкими отметками целей и точками прицеливания, учитывающими необходимое упреждение. Первая пара «мессеров» вот-вот должна была пройти над вагонами. Я выбрал ведущего, и навел оружие на полупрозрачный контур самолета «летающий» впереди цели. Легкое покалывание в ладонях сообщило мне о том, что включилась система подавления дрожания рук. Грубое наведение на цель осуществлял я сам, но в точной наводке мне помогали биоимпланты, использующие для этого

мою собственную нервную систему. Спуск оказался длинным и тяжелым, о чем я знал в теории, но все же был не вполне готов к тому, что на спусковой крючок придется давить так сильно.

Выстрел! Рукоятку затвора влево, потом назад до отказа. Теперь дослать затвор веред и рукоятку вправо. Смена цели... наведение... Выстрел!

После пятого толчка в плечо магазин опустел. Ни один из вражеских самолетов не взорвался в воздухе и не рухнул на землю, но только ведущий второй пары дал короткую и какую-то неуверенную очередь по бегущим к лесу людям. Остальные вышли из атаки, так и не открыв огонь из своих пулеметов. За двумя мессерами тянулся не слишком густой, но отчетливо видимый темный шлейф. Все четыре немецких истребителя плавно развернулись на запад и быстро исчезли за лесом.

Я отменил боевой режим имплантов, положил винтовку рядом с ее погибшим хозяином и устало опустился на землю. От опушки леса к горящему поезду возвращались уцелевшие бойцы. Кто-то помогал идти раненым, кто-то с трудом ковылял сам. Я почувствовал на себе пристальный взгляд и обернулся. От соседнего вагона на меня молча и очень внимательно смотрел старший лейтенант НКВД – командир взвода охраны нашего разгромленного эшелона.

Глава 4

Весь остаток дня мы оказывали помощь раненым и хоронили погибших. Никаких средств связи у нас не имелось, а если что и было, то сгорело в разбомбленных вагонах.

Ни со стороны Умани, ни из тыла никакого движения по железной дороге не наблюдалось, зато несколько раз в стороне от нас пролетали немецкие бомбардировщики и истребители. Мы слышали взрывы и гул артиллерийской канонады. Ситуация на фронте продолжала стремительно ухудшаться.

Никакими средствами для транспортировки раненых мы не располагали. Носилки, сделанные из плащ-палаток и вырубленных в ближайшем лесу жердей, несколько облегчали ситуацию, но все равно наша маршевая часть выглядела, как ходячий госпиталь. Медиков среди нас не было, так что кроме примитивной перевязки помочь раненым мы ничем не могли.

Командир взвода НКВД, от которого осталось двенадцать бойцов, старался держаться, но разгром эшелона давил на него неподъемным грузом. Похоже, старший лейтенант считал, что именно он несет ответственность за все произошедшее.

– Товарищи красноармейцы, если кто-то еще не знает, я старший лейтенант Федоров. Назначен сопровождать ваш воинский эшелон, а значит, ваш командир. А раз так, то всем слушать боевой приказ! – произнес он севшим голосом, прохаживаясь перед нашим неровным строем, – Сейчас мы походной колонной выдвигаемся в западном направлении вдоль железнодорожных путей. Раненых будем нести по очереди. Уже вечер, но оставаться здесь на ночевку мы не можем – нас ждут в Умани. Именно там все вы должны получить оружие и распределение в части. Если потребуется, будем идти всю ночь. Вопросы есть?

Я дернулся было спросить, зачем нам без оружия и с ранеными на руках самим идти в ловушку, в которую на глазах превращаются окрестности Умани, но посмотрев в глаза старшему лейтенанту, передумал. Здесь люди мыслили совсем другими категориями, и никакие разумные доводы не могли поколебать решимость этого офицера выполнить приказ и доставить нас в предписанный пункт назначения. Да и не знал старлей о том, что на самом деле сейчас происходит вокруг нас, а правдоподобно объяснить ему, откуда это известно мне, я не мог.

Тем не менее, наш временный командир заметил что-то такое на моем лице. После окончания боя он регулярно поглядывал в мою сторону, но до этого момента так ничего и не спросил.

– Боец, у тебя вопрос? – старлей развернулся ко мне всем корпусом.

– Красноармеец Нагулин, – представился я, сделав шаг из строя, – товарищ старший лейтенант, мы идем к фронту. Обстановка не вполне ясна, но судя по всему, она сильно ухудшилась за последние часы. У нас есть винтовки ваших погибших бойцов и расчета пулеметной платформы. Сейчас их несут ваши люди, но, может быть, имеет смысл раздать это оружие нам?

– Будет надо – раздадим, – отрезал старлей, ничего не объясняя, – Разобрать носилки с ранеными! Мы выдвигаемся.

– Товарищ старший лейтенант...

– Выполняйте приказ, боец. Или мне его повторить? – старлей нехорошо сощурился, а за его плечом сержант в форме НКВД потянулся к оружию.

Ну, выполнять, так выполнять.

– Есть, – четко ответил я, поедая глазами начальство, ибо проверять, что будет дальше, если я начну настаивать, мне совершенно не хотелось.

– Вот так-то лучше, – просипел окончательно севшим голосом старлей и широким шагом отправился в голову начавшей движение колонны. Сержант еще некоторое время смотрел на меня недобрым взглядом, но потом развернулся и побежал вслед за командиром.

Армейская дисциплина, особенно в боевой обстановке – штука, несомненно, замечательная, но я совершенно не собирался продолжать выпрашивать у командира винтовку. Я всего лишь хотел сказать ему, что идти вдоль железнодорожных путей по ходу поезда, чтобы попасть в Умань – дело бесперспективное. Если мы так поступим, то километров через сорок, а это для нашей колонны очень много, окажемся на станции Христиновка. Только оттуда есть ветка к Умани, которая идет практически в обратном направлении – на юго-восток. Сама Умань сейчас от нас километрах в двадцати пяти к югу, и если уж туда идти, то лучше напрямик через поля и перелески, а не вдоль железки, которая мало того, что сильно удлиняет путь, так еще и как магнитом притягивает немецкую авиацию. Последнее, конечно, прямо сейчас не так страшно, поскольку уже темнеет, и до утра вражеские самолеты над нами не появятся, но вот то, что к моменту нашего прибытия к Христиновке мы все еще застанем там наших, а не немцев, весьма сомнительно.

– Ну что, Петя, нарвался? – за размышлениями я не заметил, как рядом со мной оказался Борис, – Много ты болтаешь, причем не там, где надо. Я вот тоже поговорить люблю, но всегда знаю, где это можно делать, а где нельзя. Это же НКВД, понимать надо. А ты приказы обсуждать, да в боевой обстановке. Видел, как тот сержант винтовку лапал? Не сомневайся, шмальнул бы не раздумывая, по одному движению брови командира.

– Да я и не сомневаюсь, – не стал я спорить, – это по его лицу видно было.

– Ты у себя в тайге, я смотрю, одичал совсем. Держись меня, а то пропадешь. Скажи спасибо, что никто старлею или его сержанту не нашептал, как ты вагон самовольно покинул... Видать, со страху это эпизод забыли. Но сейчас, вроде, поспокойнее стало, так что может кто и вспомнит, если живы, конечно, те, кто видел.

– Это ненадолго, – негромко ответил я и сразу пожалел о сказанном.

– Что ненадолго? Забыли что ли ненадолго? Так я тебе о том и...

– Нет. Я не об этом, я про «поспокойнее». Скоро это закончится.

– Да что закончится-то?

– Тишина эта, если ее можно так назвать. Ты хоть понимаешь, куда мы идем?

– Ну, в Умань, командир же тебе прямо сказал.

– Да вот не в Умань! Умань вон там! – я махнул рукой к югу, перпендикулярно направлению нашего движения, – А пути эти ведут на станцию Христиновка, которая западнее Умани на двадцать километров. Там же передовая со дня на день будет, если не завтра к утру! Слышишь как громыхает?

– Да что ж, командир хуже тебя знает что ли? – в голосе Бориса прозвучало настороженное недоверие. – У него и карта есть! Ну, должна быть. А ты-то откуда знаешь, где она, Умань эта? И про Христиновку?

– Просто учиться надо было хорошо в школе, Боря, а не о девчонках на уроках мечтать. Меня вот отец учил – не было школы в тайге. Ты же живешь в великой стране победившего социализма, и должен знать географию своей необъятной Родины. Ты названия станций, которые мы проезжали, запомнил?

– Ну..., – тоном ниже протянул Борис, явно не ожидавший от меня такой отповеди, – Тальное, кажется, проезжали... И Юрковку.

– Ты хоть примерно понимаешь, где мы?

– Да не то чтобы, я ведь из Воронежа...

– А карту СССР ты тоже никогда не видел? Отсюда до твоего Воронежа, между прочим, всего каких-то семьсот километров. Пешком дойти можно.

– Слушай, Петр, что ты ко мне привязался? Понял я, что ты географию хорошо знаешь.

– Ну а раз понял, то нечего глупые вопросы задавать. Давай лучше подумаем, как командиру доложить, что железка эта нас в Умань не приведет.

– Бесплезно, – мотнул головой Борис, – Не будет он тебя слушать, да и меня тоже. Ты ведь что предлагаешь? Свернуть в поля и идти напрямик? Но ведь так и с пути сбиться недолго, ориентиров-то никаких нет. А рельсы – вот они, не заблудишься.

– Я проведу, – мои слова прозвучали без должной уверенности. Я это понимал, но уж очень мне не хотелось идти туда, куда вел нас старший лейтенант.

– Послушай меня, Петя..., – в темноте я с трудом различил усмешку Бориса, – ты сам-то себе веришь? Ночью, без дороги, с ранеными на руках, в незнакомой местности... Это тебе не пальцем по карте родной страны возить в тепле и уюте. Ты не обижайся, но глупости это все. В конце концов, у нас есть приказ, и его нужно выполнять.

Дальше мы шли молча, постепенно втягиваясь в ритм, а минут через тридцать пришла наша очередь нести раненых, и стало совсем не до разговоров.

* * *

Как ни стремился старший лейтенант двигаться быстро, но три привала сделать нам все-таки пришлось. Слишком вымотались люди за день, и выдержать непрерывный ночной марш, да еще и неся на себе раненых, они были просто не в состоянии.

После разгрома эшелона нас осталось человек сто пятьдесят. Раненых, которых пришлось нести на носилках, оказалось двадцать семь, но к утру шестеро из них умерли, однако этим наши потери не ограничились. Видимо, не мне одному не нравилась идея идти вслепую без оружия навстречу наступающим немцам, а то, что передовая недалеко, могло вызывать сомнения только у глухого. На последнем привале перед самым рассветом сержант по приказу командира провел переключку. Семнадцати бойцов наш отряд недосчитался. Кажется, я начал понимать, почему старлей так кисло отнесся к моему предложению раздать нам винтовки погибших.

Утро встретило нас неприветливо. Неясный гул, всю ночь звучавший на западе, перерос в непрерывный грохот, в котором уже отчетливо различались отдельные сильные взрывы. Но хуже всего было то, что слышался он теперь не только с запада, но и с севера и даже с северо-востока.

До старшего лейтенанта, несмотря на всю его непоколебимую решимость выполнить приказ, наконец тоже стало доходить, что что-то идет не совсем так, как ему бы того хотелось.

– Бойцы! – обвел он нас хмурым взглядом, – есть кто родом из этих мест?

– Ответом командиру было молчание. Нас всех мобилизовали в восточных регионах страны. Борис со своим Воронежем, наверное, был самым западным из нас, так что порадовать старлей мы ничем не могли. Ну, почти.

– Красноармеец Нагулин! – я вышел из строя.

– Опять ты? – в голосе старшего лейтенанта звучали нехорошие нотки, – Местный?

– Нет, товарищ старший лейтенант. Но я могу нарисовать карту-схему и примерно указать, где мы находимся.

– Карту-схему, значит? – задумчиво протянул командир, глядя на меня исподлобья, – Ты откуда такой взялся, красноармеец Нагулин? Ты ведь недавно мобилизован, так? Даже начальную подготовку не проходил. Вас, вообще-то, должны были в резервную часть сначала отправить, но уж как вышло, так вышло. Но из винтовки ты стреляешь ловко, я сам видел, а теперь, оказывается, и карту читать можешь, да не только читать готовую, но и нарисовать свою. Где научился?

– Отец учил. Мы жили почти на границе СССР с Тувинской Народной Республикой. Он старообрядцем был, и образование еще в царской России получил, а потом его дед доучивал, уже на нашей заимке. Я в тайге вырос, потому и стреляю хорошо, и с оружием обращаться

умею. А географией с детства увлекаюсь. Мечтал, что когда вырасту, буду путешествовать и новые земли открывать. Эту местность по карте неплохо знаю, но сам здесь раньше не бывал.

Не поверил мне старлей, ни разу не поверил, но кивнул и достал из полевой сумки блокнот и химический карандаш.

– Рисуи свою карту, Нагулин, но смотри, если к немцам заведешь...

– Товарищ командир, – напрягся я, вычерчивая линию железной дороги от Тального до Христиновки и немного дальше, чтобы показать общее направление на Теплик, – я ведь, как и вы, не знаю, где сейчас противник. Я схему нарисую, а куда идти – не мне решать.

Федоров лишь молча кивнул, показывая, что меня услышал, и продолжил внимательно смотреть, как на листе его блокнота появляется железнодорожная ветка, ведущая от Христиновки на юго-восток к Умани и как я отмечаю сами эти населенные пункты.

– А дороги, реки, мосты лесные массивы? – спросил старлей, когда я протянул ему готовую схему.

– Моя память тоже имеет свои пределы, товарищ командир, – развел я руками. – Я изобразил то, что помню. Мы, по моим грубым прикидкам, находимся где-то здесь, километрах пятнадцати от станции Христиновка.

– То есть ты утверждаешь, что всю ночь мы шли совсем не туда, куда следовало, и не приблизились к Умани ни на метр?

– Так и есть, товарищ ст...

– Молчать! – прорычал Федоров. – Почему сразу не доложил?!

– Я пытался, товарищ старший лейтенант. Вы не стали меня слушать.

Старлей промолчал, продолжая сверлить меня взглядом. Крыть ему было нечем, но стереть меня в порошок, похоже, очень хотелось. Умею я наживать себе врагов, надо с этим что-то делать.

– Встать в строй, – наконец приказал он, убрав мою карту в планшет, и развернулся к нашей поредевшей маршевой команде, – Продолжаем движение вдоль железнодорожных путей. На ближайшей станции сдадим раненых медикам, доложим в Умань и получим дальнейшие указания. Взяли носилки! Начать движение!

Ситуация складывалась хуже, чем я думал. Признавать свою ошибку Федоров не захотел, а может, просто считал свои действия правильными. Идея получить помощь на станции была бы вполне здоровой, если бы не постоянно придвигавшийся к нам гул передовой.

Сателлиты передавали с орбиты безрадостную картину. Немцы уже захватили станцию Христиновка, куда так рвался наш командир. Железнодорожный путь в нескольких местах перед нами и позади нас был разбит вражескими бомбами. Помимо нашего эшелона на путях догорали еще два состава, и в сложившихся обстоятельствах что-то отремонтировать или растаскивать выгоревшие вагоны никто не собирался, да и не смог бы при всем желании. А севернее железной дороги нас стремительно охватывала шестнадцатая моторизованная дивизия вермахта, уже почти добравшаяся до Тального, причем помешать ей захватить этот населенный пункт оборонявшиеся там войска были явно не в состоянии. За нашей спиной на востоке еще оставался в руках РККА Новоархангельск, но к нему уже подходили с юга одиннадцатая танковая дивизия немцев и дивизия СС «Лейбштандарт». Организованные командованием юго-западного фронта контрудары наносились с крайним ожесточением, но разбивались о грамотно выстроенную немцами вязкую оборону, а между тем, угроза полного окружения уже совершенно отчетливо нависала над шестой и двенадцатой советскими армиями, а также над остатками второго механизированного корпуса.

Сражение кипело вокруг нас, но каким-то чудом до сих пор непосредственно наш отряд не затрагивало, если, конечно, не считать разгром эшелона, в котором мы ехали к фронту. Требовалось срочно что-то предпринять, иначе наш безоглядно преданный делу Ленина-Ста-

лина, но совершенно неадекватный командир доведет нас до немецкого плена, что в мои планы совершенно не входило. Вот только что именно нужно делать, я пока не понимал.

Везение закончилось минут через пятнадцать. Сначала почти над нами пролетел на восток одинокий истребитель И-153 «Чайка» с красными звездами на крыльях, вызвавший в нашей колонне бурное оживление. Самолет шел низко и явно имел боевые повреждения, но это из нашего отряда видел только я. Остальные размахивали руками и пилотками, приветствуя первого представителя советской авиации, увиденного ими с момента разгрома нашего поезда. А потом я ощутил за ухом знакомый неприятный зуд.

Старший лейтенант шел сейчас где-то впереди, а я как раз нес носилки, так что добежать до него не имел никакой возможности. Зато совсем недалеко от меня шагал тот самый сержант, который столь недвусмысленно дал мне понять, чем может закончиться обсуждение приказов командира в боевой обстановке.

– Товарищ сержант! Впереди противник! Слышу звук мотоциклетных моторов в километре слева по ходу движения за перелеском!

– Колонна, стой! – надо отдать должное, на мое предупреждение сержант отреагировал со всей серьезностью. Он убежал искать командира и вскоре они вернулись уже вдвоем.

– Всем тихо! – скомандовал старлей и стал напряженно вслушиваться в наступившую тишину, которая оказалась весьма относительной, ведь вокруг нас изрядно погромыхивало.

– Нет там ничего! – секунд через десять произнес сержант, поймав на себе вопросительный взгляд командира. – Я никаких подозрительных звуков не слышу.

Еще бы он слышал! На таком расстоянии лес надежно глушил звуки моторов, но ничем другим я не мог объяснить свое знание о приближающихся немецких мотоциклистах. Да и не о них одних...

– Не меньше трех мотоциклов и что-то еще, более тяжелое, но не танки. Может, грузовик, а может и бронетранспортер – лязгает там что-то, – упрямо глядя в глаза Федорову, доложил я. – Вон там, видите? Вдоль рельсов идет дорога. Потом она уходит влево и за лес поворачивает. Оттуда они и идут.

Старший лейтенант колебался, но действовать требовалось немедленно, и он решился.

– Журков, Блохин, выдвигаетесь вперед и аккуратно проверяете, что там за поворотом. Остальным укрыться за насыпью. Быстро! Да не с этой стороны! С противоположной от дороги! Сержант Плужников!

– Я!

– С красноармейца Нагулина глаз не спускать!

– Есть!

До поворота дороги бойцы Федорова ожидаемо добежать не успели. Куда им, уставшим от долгого марша, тягаться с моторами BMW?

Два мотоцикла с колясками выскочили из-за леса почти одновременно. Секунд за пять до этого Блохин и Журков слышали звук их моторов и метнулись к обочине, одновременно маша нам руками. Вместо того чтобы затаиться за каким-нибудь укрытием, оба бойца НКВД вскинули винтовки и открыли огонь по немцам. Ничего не поделаешь – их так учили, и они хорошо усвоили урок.

Мотоцикл BMW, с пулеметом MG-34 на боковом прицепе. Различные модели подобных мотоциклов широко использовались вермахтом в ходе второй мировой войны.

Ехавший впереди мотоцикл вильнул в сторону. Возможно, водитель был ранен, но управления машиной не потерял. Видимо, эти немцы не впервые сталкивались с противником, и в значительной степени были готовы к подобной ситуации. Во всяком случае, пулемет на втором мотоцикле выдал длинную очередь буквально через пять секунд после первого выстрела бойцов НКВД. Блохин стрелял, стоя в полный рост, и первым стал жертвой ответного огня, поймав грудью сразу несколько пуль. Журков, видимо, имел какой-то боевой опыт и вел себя более грамотно. Он скатился в неглубокий кювет и пытался оттуда стрелять по мотоциклистам, но силы оказались слишком неравными. Бойца просто задавили огнем двух пулеметов.

Я лежал за невысокой насыпью и с внутренним содроганием думал, что вот сейчас наш старлей вскочит в полный рост и попытается поднять нас в атаку – с десятком винтовок у его людей и голыми руками у всех остальных. Однако этого все-таки не случилось.

– Сержант, раздать оружие красноармейцам! – негромко, но отчетливо приказал Федоров.

– На всех винтовок не хватит, товарищ старший лейтенант. Кому выдавать?

– Нагулину выдай. Остальным – как получится.

– Есть.

Немцы, тем временем, остановились. У ближайшего к нам мотоцикла один из них оказывал помощь раненому. Водитель показавшегося из-за поворота третьего мотоцикла сразу развернул свою машину и поехал назад. Видимо, собирался доложить старшему начальнику об инциденте. Еще один немец медленно двигался по направлению к позиции бойцов Федорова, стараясь держаться так, чтобы не перекрывать сектор обстрела страхующему его пулеметчику.

Я, наконец-то, получил в руки оружие и три снаряженные обоймы. Пять патронов в винтовке и еще пятнадцать в патронной сумке. Немного, но и за это спасибо.

Вражеские мотоциклисты убедились, что в живых из нападавших никто не остался, и вновь расселись по своим машинам, забрав оружие убитых. Раненого повезли в тыл, а оставшиеся немцы дождались своих товарищей, ездивших на доклад к командиру, и вновь неторопливо покатали по дороге в нашу сторону.

– Отряд, к бою! – наш старший лейтенант не знал сомнений. Врага нужно уничтожать везде, где его встретишь и всеми имеющимися в твоём распоряжении средствами. Такова была парадигма этого жестокого времени. Этому учили уставы, вдабливали на многочисленных занятиях преподаватели и политработники, пока это понимание не стало неотъемлемой частью бойцов и командиров РККА. Хорошо хоть Федоров осознавал всю важность эффекта внезапности, и приказ отдал достаточно тихо.

– Товарищ старший лейтенант! – решил я все же попытаться предотвратить это безумие, – там, сразу за поворотом, два бронетранспортера с пехотой и еще несколько грузовиков!

– Что-то много ты слишком знаешь, Нагулин! – прошипел старлей, – может, зря я приказал тебе винтовку выдать? Может, скажешь мне еще, откуда они здесь? И где наши части?

– Вы ведь сами все понимаете, товарищ старший лейтенант, – негромко ответил я, сильно опасаясь, что сейчас мне опять прикажут: «Молчать!» Но, видимо, заблаговременное предупреждение о противнике создало мне некий кредит доверия в глазах командира, и он предпочел все же меня дослушать, – Если немцы уже здесь, значит, станция Христиновка ими давно захвачена, а фронт прорван. Наши, видимо, отошли на юг и на север. Впереди канонады не слышно, зато справа и особенно сзади гремит все сильнее.

Конечно, сказал я далеко не все, что знал. Немцы, на которых мы нарвались, были одним из передовых подразделений сто двадцать пятой пехотной дивизии вермахта. Мы так глубоко забрались в мышеловку, в которую превратилась Умань и ее окрестности, что нормальных путей отхода уже не осталось. Прорываться на запад – чистое сумасшествие. Там если кто из наших и есть, то только остатки разгромленных и окруженных частей. Уходить на север, в направлении Киева, смысла тоже нет. Мало того, что там сейчас все забито немецкой пехотой, подтягивающейся вслед за ушедшими вперед к Тальному моторизованными частями, так еще и перспектив у нас, даже если прорвемся, не будет никаких – вляпаемся в новый еще более крупный котел, который тоже уже обозначается со всей определенностью вокруг столицы советской Украины. На востоке нас ждут три отборные немецкие дивизии, две из которых танковые, и ловить нам в этом направлении совершенно нечего. Остается юг, но там мы в лучшем случае найдем окруженные части шестой и двенадцатой армий. Конечно, это гораздо приятнее, чем сразу в плен к немцам, но тоже довольно безрадостно.

– Прекратить панику, боец! – пытаюсь убить меня взглядом, произнес старший лейтенант, но где-то в глубине его зрачков я видел неуверенность и даже страх. Понимал командир, что я прав, очень хорошо понимал, но перед подчиненными старался этого не показывать.

– Есть прекратить панику, товарищ старший лейтенант, – ответил я, бросив руку к пилотке, – У нас один путь остался – на юг. Там должны быть наши. Они нам хоть нормальное оружие дадут. А с двумя десятками винтовок против пяти пулеметов мы все равно ничего не навоюем, только зря ляжем здесь все, не нанеся врагу должного урона.

Что-то очень нехорошее увидел я во взглядах старлея и сержанта. Даже и не знаю, чем бы для меня это закончилось, но тут из-за леса, рыча мотором и лязгая гусеницами, выбрался первый «Ганомат». Я отчетливо видел пулемет, установленный на крыше кабины бронетранспортера и ряды касок над броней.

– С тобой после закончим, – бросил мне Федоров, и, пригнувшись, побежал куда-то на правый фланг, – К бою! Отряд, по немецко-фашистским захватчикам, огонь!

Ну, вот и все. Ладно бы сам под гусеницы бросился, но тут же больше сотни молодых парней, большая часть из которых без оружия! Я перехватил винтовку поудобнее и осмотрелся. Вокруг меня беспорядочно хлопали выстрелы, а безоружные бойцы просто лежали на земле,

не высовываясь, чтобы не попасть под град пуль, сыпавшихся на наше невысокое укрытие с двух сторон – от ушедшего вперед мотоциклетного дозора и от выползших из-за леса «Ганомагов». Немецкие пехотинцы уже бодро выпрыгивали из кузовов бронетранспортеров, и занимали позиции в кювете, явно готовясь к атаке.

– Почему не стреляешь, Нагулин!? – взревел у меня над ухом заместитель командира.

– Позицию выбираю, товарищ сержант, – как можно тверже ответил я, – надо пулеметы заткнуть, а то нас всех тут положат.

– Огонь, боец! А то я сам тебя сейчас положу!

– После боя расстреляете, товарищ сержант, а сейчас не мешайте, – зло ответил я и переполз на несколько метров влево, где от недавно простучавшей по насыпи очереди поднялось пыльное облако.

Продолжать испытывать терпение сержанта было просто опасно. Я на секунду прикрыл глаза, чтобы посмотреть на поле боя сверху. Наибольшую угрозу для нас сейчас представляли, как ни странно, не «Ганомаги», а два пулемета на проскочивших мимо нас мотоциклах. Эти немцы находились гораздо ближе к нашей позиции и били по ней куда прицельнее, чем пулеметчики с бронетранспортеров.

Я выбрал в качестве цели ближайший к нам мотоцикл, немного расслабил руки и плечи, вошел в боевой режим и резким движением чуть приподнялся над насыпью. Хлопок моего выстрела потерялся в треске пулеметных очередей и винтовочной пальбы. Я не стал смотреть на результат и сразу опустился за насыпь. Тем не менее, меня заметили, и в рельсы с гулом ударило сразу несколько пуль.

– Один есть, – сообщил я сержанту, еще раз воспользовавшись «видом сверху», – сейчас сменю позицию и заставлю замолчать второго.

– Уверен, что попал? – недоверчиво переспросил Плужников.

– Уверен, – я утвердительно кивнул, – но прямо сейчас проверять не рекомендую. Вот второго успокою, тогда будет безопаснее.

– Не рекомендует он... – начал сержант, но я его уже не слушал, быстро переползая еще дальше влево.

Выстрел! Висок дернуло резкой болью, но я даже не сразу обратил на это внимание. На этот раз появления моей головы над рельсами, похоже, целенаправленно ждали, правда, немного не там, где я на самом деле оказался. Но реакцию немец продемонстрировал отменную. Повезло еще, что в голову мне прилетела не пуля, а выбитый ей из насыпи камешек. Но звоночек для меня прозвенел очень нехороший. Если все время так подставляться под вражеский огонь, мой славный путь на этой планете может закончиться, толком не успев начаться.

– Готово, – кивнул я сержанту.

Пулеметный огонь на нашем фланге стих, и Плужников высунулся из-за насыпи, чтобы оценить обстановку.

– Трое из четырех немцев целы, – сообщил он, сползая обратно. – У пулеметов возят. Один за мотоциклом лежит, но шевелится – ранен, наверное. А ты говорил, что двоих снял.

– Пулеметы молчат?

– Молчат, – согласился Плужников.

– Оба?

– Оба.

– Значит, я свою задачу выполнил. А теперь, товарищ сержант, у меня созрела разумная инициатива, но мне нужна помощь. Окажете?

Плужников ответить не успел. Нас прервали характерные хлопки выстрелов из немецких пехотных минометов. Глупо было бы надеяться, что передовая часть немецкой пехотной дивизии забудет взять с собой это компактное и весьма эффективное оружие. По штату у немцев такое изделие фирмы «Рейнметалл» имелось в каждом взводе, и сейчас мы имели удоволь-

ствие испытывать на себе, каково оно, когда тебе на голову сыплются пятидесятимиллиметровые мины.

– Ложись! – заорал сержант, явно знакомый с этим оружием противника.

Я-то и так лежал, а вот красноармейцы, сбившиеся в плотную группу вдоль насыпи справа от нас, отреагировали на команду не сразу. На первый раз нам повезло, и мины легли с недолетом, но играть в эту рулетку дальше было не просто опасно, а преступно.

– Товарищ сержант! Нужно отводить людей. Иначе всех сейчас нашинкуют! – у нас же даже индивидуальные ячейки не отрыты, не то что окопы, а насыпь от мин не защитит. Вон балка между холмами – неплохой путь для отхода. И лесок там имеется...

– Не было приказа на отход, – отрезал сержант, приподнимаясь над рельсами и стреляя в сторону противника, – Ты что, боец, уставов не знаешь? Противник должен быть смело и стремительно атакован всюду, где он будет обнаружен!

Я мысленно простонал. Если кто здесь и не знал уставов, так это сержант и наш командир. Из-за этой фразы, с бессмысленной беспощадностью вбитой политработниками в головы бойцов и командиров красной армии, уже погибло столько отличных парней, что просто хотелось выть. И ведь никто ни разу не вспомнил, что относится она только к НАСТУПАТЕЛЬНОМУ бою, о чем в полевом уставе РККА от тридцать девятого года совершенно недвусмысленно сказано. А мы чем сейчас занимаемся? Наступаем? Но не затевать же прямо здесь, под минометным обстрелом, военно-теоретический диспут с сержантом НКВД!

Вторая серия мин легла с перелетом, но с этой стороны насыпь нас не прикрывала, и крики раненых показали, что осколки нашли свои цели.

– Мне нужна ваша помощь, товарищ сержант, – напомнил я Плужникову. – Нужно заткнуть пулеметы на «Ганомагах», иначе они так и будут прижимать нас к земле, а минометчики уже почти пристрелялись.

– Что ты опять придумал, Нагулин? – повернулся ко мне сержант, скатившись с насыпи после очередного выстрела.

– Видите этот бугор? – я показал Плужникову на небольшой холм у нас в тылу, поросший кустарником и невысокими деревьями. – Я, как вы могли убедиться, неплохо стреляю, а там очень перспективная снайперская позиция. Уверен, что достану оттуда немецких пулеметчиков, а может и минометные расчеты, если они в прямой видимости. Старший лейтенант приказал вам следить за мной, а мне в любом случае нужен второй номер для контроля окружающей обстановки – немцы не дураки, могут и с фланга нас обойти. Поможете?

Плужников выглядел неглупым человеком, хоть и сильно отрихтованным здешней политической системой. Колебался он не больше секунды – бой, он многое в мозгах по местам представляет.

– За мной, боец!

Вот это правильно. Если не можешь предотвратить безумную затею подчиненного, нужно ее возглавить!

Мы быстро преодолели пятьдесят метров до балки. Я успел подумать, что наш маневр мог выглядеть, как дезертирство и попытка покинуть поле боя, но красноармейцам и старшему лейтенанту сейчас было явно не до нас. Хоть бы вдоль насыпи нормально рассредоточились, что ли...

Намеченной мной позиции мы достигли меньше чем за минуту, но положение нашего отряда за это время успело сильно измениться к худшему. Очередная серия мин легла почти точно за насыпью, и убитых и раненых ощутимо прибавилось. Хорошо, что минометов у немцев было всего три, иначе все уже давно бы закончилось.

– Давай быстрее, Нагулин, – несильно пихнул меня в спину Плужников, когда мы выбрались на холм. Видимо, увиденное сверху его сильно не порадовало.

– Есть быстрее, товарищ сержант, – сосредоточенно ответил я, поднимая винтовку.

До «Ганомаров» отсюда было метров четыреста. Немецкая пехота уже развернулась в цепь и начала движение в нашу сторону, стремясь непрерывной стрельбой помочь своим пулеметчикам не давать нашим бойцам высовываться из-за насыпи. Фланговый охват немцы к моему удивлению так и не предприняли. Видимо, решили, что с таким слабым противником справятся и так. Вот сейчас и поглядим.

Еще раз внимательно оглядев немецкие позиции сверху, я обнаружил, где устроились минометчики. Сейчас они наносили нам самый большой урон, и начинать следовало именно с них. К сожалению, один из расчетов от меня закрывал дальний «Ганомар», но два других миномета просматривались неплохо. Конечно, наблюдая за немцами отсюда, засечь вражеские позиции я бы не смог, но взгляд с орбиты дает немалые преимущества, и я собирался воспользоваться ими по максимуму.

Первые три выстрела я сделал практически без пауз. Два – по расчету правого от меня миномета, и один – по пулеметчику переднего «Ганомара». Магазин винтовки опустел, и я мола протянул руку за оружием сержанта. Тот хотел было что-то возразить, но посмотрел на поникшего за своим пулеметом вражеского солдата и протянул мне винтовку.

Расчет пехотного миномета у немцев состоял из двух человек, так что еще три моих выстрела заставили замолчать второй миномет и последнего пулеметчика на заднем бронетранспортере. Солдат противника я старался не убивать, целясь больше в их оружие, а не в них самих. Сменить погибшего пулеметчика несложно, а вот сам пулемет во время боя обычно заменить нечем. То же можно сказать и о миномете, но его сложнее повредить винтовочной пулей. В любом случае, огневой вал, прижимавший наш отряд к земле, резко ослаб, осталось только заставить замолчать третий миномет.

– Пора менять позицию, товарищ сержант. Если нас засекли, мины полетят именно сюда.

Я, конечно, сгущал краски. Расчет третьего миномета, сильно впечатленный почти мгновенной гибелью и ранениями товарищей, прекратил огонь и тоже решил сменить позицию, что оказалось нам только на руку. Я надеялся, что место, куда они переместятся, не будет прикрыто тушей бронетранспортера.

Мы побежали вправо, вновь спустились в балку и быстро взобрались на соседний холм. Эта позиция оказалась менее удобной, но зато теперь я видел расчет третьего миномета противника. Плужников зарядил и отдал мне мою винтовку, забрав назад свою.

Я сделал еще два быстрых выстрела, и подбирающаяся к нашей позиции немецкая цепь окончательно лишилась огневой поддержки. Бойцы старшего лейтенанта оживились, и открыли по противнику более интенсивный и прицельный огонь, насколько это было возможно имеющимися у них средствами, а немцы, наоборот, несколько замешкались из-за резкого изменения обстановки.

Я помнил, что у противника есть еще, как минимум, один пулемет на третьем мотоцикле, но где он сейчас, я не видел, даже используя панораму со спутника. За поворотом дороги, не подставляясь под наш огонь, остановились три грузовика. Из двух из них сейчас выпрыгивали немецкие пехотинцы и подгоняемые лающими командами унтеров, бежали прямо через лес на помощь своим товарищам.

Я сделал еще несколько выстрелов, стремясь добавить неразберихи в боевые порядки противника.

– Товарищ сержант, надо срочно уводить людей, пока немцы не перегруппировались и не пришли в себя. У нас много раненых. Это лучший момент для отхода – потом не оторвемся.

Плужников бросил на меня быстрый взгляд и открыл было рот для очередной отповеди в духе приведенной ранее цитаты из устава, но реальность жестокого боя, видимо, все же сместила что-то в его явно неглупой голове и вместо очередной трескучей фразы он буркнул только: «Нужно доложить командиру», и начал пригнувшись спускаться с холма.

И тут случилось то, во что я старался не верить, но чего все равно где-то внутри боялся. Внизу, на наших позициях, грянуло нестройное «Ура!» и человек пятьдесят красноармейцев – все, кто еще мог стоять на ногах – рванулись во главе со старшим лейтенантом в контратаку. Меньше чем у половины из них были винтовки. Остальные сжимали в руках камни, а кто-то и просто бежал навстречу врагу с пустыми руками, помогая себе лишь яростным криком.

– Зачем?!!! – у меня просто не хватало слов, чтобы выразить свое возмущение и непонимание, но теперь мне ничего не оставалось, кроме как поддержать огнем эту самоубийственную контратаку.

От леса вновь ударили пулеметы, да не один, а сразу три. Видимо, немцы из грузовиков принесли их с собой. А я, наивный, думал, как мне объяснить Плужникову и Федорову, что если мы даже отобьемся от немцев сейчас, нас через полчаса накроют артиллерией или обойдут с флангов, а скорее и то и другое вместе. Не обойдут, и не накроют. Некого будет обходить и накрывать.

Я стрелял с максимальной скоростью, которую мог выжать из «мосинки» и одновременно орал ушедшему вниз сержанту, чтобы он вернулся и принес патроны, но, похоже, Плужников меня не слышал.

Через минуту мой невеликий боезапас иссяк, а у немцев все еще оставался один пулемет, и вновь захлопала пара пятидесятимиллиметровых минометов. Из тех, кто поднялся в почти мгновенно захлебнувшуюся контратаку, под прикрытие насыпи смогли вернуться человек десять, но и там уже рвались мины, хорошо хоть не очень густо.

Немцы, воодушевленные своим успехом, вновь двинулись вперед. С нашей стороны по ним больше никто не стрелял. И тут я увидел сержанта. Плужников пытался остановить бегущих к балке красноармейцев, но у людей больше уже не было никаких моральных сил продолжать сражаться. Избиение на неудачной позиции и последовавшая за этим совершенно непродуманная и неподготовленная контратака сломили их боевой дух и волю к сопротивлению.

Все закончилось очень быстро. Немецкие солдаты добрались до железной дороги, остановились, перебросили через пути десяток гранат, дождались взрывов и рывком преодолели насыпь. Живых на бывшей позиции нашего отряда, похоже, не осталось. Спасти смогли только те красноармейцы, кто успел добежать до балки.

Глава 5

Преследовать нас немцы не стали. Видимо, у них был свой приказ, и отвлекаться от его выполнения их командир считал нецелесообразным. Я отправился догонять остатки нашего отряда, уходившие на север, куда нам двигаться категорически не следовало, но дорога на юг была отрезана немецкой колонной, а запад и восток казались мне ничем не лучше севера.

Сержанта я нашел только через несколько часов и то лишь благодаря данным с орбиты. Следопыт из меня был пока что абсолютно бездарный. Вся моя практика хождения по лесам сводилась к паре недель пути по тайге, опять же с помощью спутниковой навигации. Что у меня имелось в достатке, так это выносливость и хорошая координация движений, благодаря чему я все же двигался по пересеченной местности достаточно быстро.

Плужников и еще трое бойцов остановились на привал прямо в гуще леса – выходить на открытое место они, видимо, опасались. Сержант и двое красноармейцев сидели на стволе упавшего дерева и ели тушенку из мятой банки, запивая ее водой из фляг и заедая ржаным хлебом. Четвертый боец, в котором я с удивившей меня радостью узнал Бориса, стоял на посту, сосредоточенно вглядываясь в лес. Как-то укрыться или хотя бы присесть он не пытался, но головой вертел с достойным лучшего применения усердием. В результате я заметил его первым, хотя, по идее, все должно было произойти совершенно наоборот.

– Борис! – Негромко окликнул я часового.

Красноармеец дернулся, хватаясь за винтовку, и я поспешно добавил:

– Это я, боец Нагулин. Выхожу медленно и с пустыми руками.

Я забросил винтовку за спину, и неспешно направился в сторону лагеря моих товарищей.

– Ты один? – уточнил сержант, вскочивший при первом звуке моего голоса и чуть не вываливший тушенку на землю.

– Один, – подтвердил я, – за мной никто не шел, я, похоже, последний. Что с командиром?

– Погиб в самом начале контратаки, – коротко взглянув мне в глаза, ответил Плужников, – скосили первой же очередью.

– Товарищ сержант, разрешите вопрос?

– Не разрешаю, Нагулин. Потом поговорим, я сам тебя позову, – сержант бросил выразительный взгляд на собравшихся вокруг нас красноармейцев. – Боец Синцов!

– Я!

– Заступаешь на пост.

– Есть!

– Чежин и Нагулин, давайте быстро ешьте, и надо продолжать движение.

Я на всякий случай проверил, что творится вокруг, но непосредственной опасности не обнаружил. Мы забрались в относительно глухое место, до которого ползушим по дорогам немецким колоннам пока дела не было.

– Стройся! – тихо скомандовал сержант, когда мы добились банку тушенки и съели остатки хлеба, – Слушай боевой приказ! Учитывая неблагоприятное изменение обстановки и гибель старшего лейтенанта Федорова, наша главная задача – скорейший выход к своим. Как старший по званию, принимаю командование отрядом. Мой заместитель – красноармеец Нагулин. Прорываться будем на восток по кратчайшему пути. Передвигаемся скрытно, с превосходящими силами противника в бой не вступаем. Кто без приказа откроет огонь – расстреляю лично. Вопросы есть?

– Товарищ сержант, что у нас с боеприпасами? – тут же влез я, – У меня боезапас полностью израсходован.

– Оружие и патроны к осмотру! – кивнул сержант, и сам первым стал доставать обоймы из патронных сумок.

На пятерых у нас оказалось три винтовки и сорок патронов к ним. Не просто негусто – вообще ничто. Плужников мрачно осмотрел это богатство и выдал несколько неожиданное для всех решение:

– Винтовки берут Чежин, Нагулин и я. Нам с Чежиным – по десять патронов, Нагулину – двадцать. Синцов – в головной дозор. Остальная группа держится вместе. Чежин, наблюдаешь за тылом. Нагулин, в любом раскладе ты – снайпер. Вперед не лезешь, выбираешь позицию самостоятельно и прикрываешь действия отряда.

– Есть!

– Вопросы? – сержант еще раз окинул нас взглядом, – Ну, раз вопросов нет, выдвигаемся.

Все-таки восток. Логiku сержанта вполне можно было понять, и спорить я не стал. В-первых, сейчас все вокруг так смешалось, что я уже и сам не мог определить, куда идти безопаснее, ну а во-вторых, внятно объяснить Плужникову причину, почему на восток идти не нужно, я все равно не мог.

Раскрывать перед кем-либо свои возможности я не собирался. Слишком многие силы здесь захотят поставить их под свой контроль, а становиться марионеткой в руках сильных мира сего в мои планы не входило. Так что любые свои слова и действия я вынужден был соотносить с возможностью рационально объяснить их в рамках существующих реалий, а также уровня знаний и умений, которым мог обладать рядовой красноармеец, пусть и потомственный охотник и таежный житель.

Мы осторожно пробирались через лес, внимательно осматриваясь вокруг, и я тоже усиленно делал вид, что ожидаю какой-нибудь пакости от каждого куста, хотя отлично знал, что ближайшие немцы сейчас в четырех километрах от нас едут и идут пешком по дороге на Тальное. Это тыловые части и пехота спешили за вырвавшимися вперед механизированными соединениями, уже почти замкнувшими кольцо вокруг попавших в котел советских армий.

Мысли мои были далеки от оптимизма. Возможно, я изначально выбрал неверную стратегию и недооценил все те опасности, которые ждали меня на фронте. Или же переоценил те преимущества, которые давало мне высокотехнологичное оборудование и спутники на орбите. Расстаться с жизнью в той ситуации, в которой я оказался, представлялось мне теперь делом простым и незамысловатым, а вот выжить и достичь своих целей, наоборот, казалось задачей достаточно нетривиальной.

Что мне стоило, например, явиться к местным властям в летном комбинезоне, с плазменным пистолетом на поясе и кучей всяких чудесных приборчиков, от которых здесь все впади бы в благоговейный ступор? Да ничто не мешало, ну, почти. Хотите, товарищ Сталин, войну выиграть малой кровью? Да, пожалуйста! С моей спутниковой группировкой ваши генералы всегда будут на десять шагов впереди врага в вопросах разведки на любую глубину, вплоть до Берлина и побережья Нормандии. Хотите полезные ископаемые из месторождений, о которых вы знать не знаете и не слышали никогда? Не вопрос! Вот же они, со спутников все видно. Хотите новые технологии? Тоже могу отсыпать, только тут вашим ученым повозиться придется – слишком разные у нас уровни развития. Но все равно рывок в этом вопросе обеспечить можно. Замечательно звучит, но... А дальше-то что?

А дальше посадят тебя, лейтенант Ирс, в золотую клетку с бриллиантовым унитазом и толпой самых лучших девочек, каких ты сам выберешь, и будешь ты ковать щит страны, но, главное, не столько щит, сколько меч. А за пределами этой клетки будут стоять в три ряда лучшие люди товарища Берии с самым продвинутым в мире оружием, которое ты сам же в их руки и отдашь, и со строжайшим приказом ликвидировать объект «пришелец» при малейшей угрозе его попадания в руки врагов. Ну и, конечно же, немедленно уничтожить означенный объект при любых его действиях, могущих прямо или косвенно угрожать жизни и здоровью руководителей советского государства, равно как и его ленинско-сталинским основам. Ты о такой жизни мечтал, лейтенант?

Нет уж, спасибо. Лучше вот так – по лесам, с примитивной винтовкой в руках, с угрозой в любую секунду получить пулю или осколок от случайного снаряда, но зато без пистолета у виска и ласкового голоса наркома внутренних дел над ухом. Потому что отдать то, что у меня есть властям любого государства этого мира – только все испортить. Причем и для мира, и для себя лично.

Конечно, мир этот жил как-то без меня, и я думаю, жил бы себе и дальше какое-то время, вот только он такой не первый и далеко не единственный. Примитивных человеческих цивилизаций по галактике разбросано немало, а еще больше в ней мертвых планет, на которых когда-то жили люди. До уровня развития хотя бы нашей Шестой Республики доживает едва процентов пять таких миров, вернее, только сама Шестая Республика и дожила. Большинство человеческих цивилизаций сгорает в апокалипсисе ядерной войны, погибая полностью или откатываясь на уровень средневековья, отягченного необратимо разрушенной экологией и наследственными болезнями. Из тех немногих, кто смог удержаться на грани и перешагнуть эту пропасть, большая часть гибнет в результате техногенных, экологических или социальных катастроф, а зачастую от всех трех этих напастей одновременно. Они медленно убивают природу своей планеты, своими руками превращают собственных детей в придатки электронных устройств, для которых виртуальные пространства становятся ближе и понятней живых людей, легализуют наркотики и разного рода извращения, реформируют систему образования так, чтобы отучить людей мыслить самостоятельно. Все больше решений отдается на откуп искусственному интеллекту, который, вроде бы, подконтролен и понятен своим создателям, но только до определенного момента. Им кажется, что все это делается для людей, для их же блага, для повышения управляемости общества, но в какой-то момент накапливается критическая масса скрытых противоречий, негативных изменений в экологии, мелких, но критичных ошибок в системах управления гигантскими производственными комплексами... И происходит взрыв. А дальше у каждой цивилизации свой уникальный путь в пропасть.

Летра показывала мне записи, сделанные в одном из таких миров дронами-разведчиками и научными спутниками. Сведения эти, вообще-то, считались секретными, но не настолько, чтобы моя подруга сильно опасалась последствий их разглашения. А я тогда испугался. Возможно, впервые в жизни я испытал такое чувство страха. Тот мир погиб от вышедшего из-под контроля оружия, сочетавшего в себе новейшие разработки в области психотропных отравляющих веществ, продвинутые нанотехнологии и боевые вирусы. Вырвавшийся на свободу штамм не убивал живых существ – он изменял их. Сам вирус был только транспортом – капсулой для доставки в поражаемый организм молекул психотропного яда и наномашин, компактно упакованных внутри белковой и липидной оболочек вирусной частицы. Психотропный препарат, попадая в кровь, подчинял разум человека единственной цели – превращению всех окружающих людей в таких же идеальных и совершенных созданий, как он сам. Наномашин, проникавшие в организм, делали зараженного сильным, малочувствительным к боли, выносливым и по-своему даже высокоинтеллектуальным. Вот только ненадолго. Такое насилие над организмом сжигало его за несколько месяцев, но пока носитель был жив, он хитро и изощренно действовал, стараясь заразить как можно большее число людей, еще не пораженных вирусом. Коварство этого оружия заключалось в том, что зараженный после легкого получасового недомогания начинал чувствовать себя помолодевшим и полным сил, причем видно это становилось не только ему, но и окружающим. Отступали болезни, включая хронические, улучшалось самочувствие, разглаживались морщины, резко повышалась работоспособность. И при этом возникало непреодолимое желание сделать столь же счастливыми и молодыми всех вокруг, для чего и нужно-то было всего лишь поддержать человека за руку, поцеловать или даже просто выдохнуть воздух в его сторону с близкого расстояния. Но счастье длилось недолго. Через два месяца после заражения старые болезни возвращались с утроенной силой, а вслед за ними появлялись новые, и человек начинал стремительно стареть. Смерть наступала от лави-

нообразного отказа всех систем организма. Больше ста дней с момента заражения не проживал никто. Вирус не щадил ни людей, ни животных. Видеоматериалы, показанные мне Летрой, были собраны из разных источников и очень грамотно нарезаны и смонтированы. Буквально за час перед моими глазами прошли последние полгода существования мира, шедшего к своему апокалиптическому концу многие тысячелетия. Я никогда не думал, что смотреть на это будет так страшно.

Этот пример был, наверное, самым ярким и шокирующим, но далеко не единственным. Тем не менее, в отличие от более чем двух десятков цивилизаций, не сумевших пережить «подростковый возраст», Шестой Республике сопутствовала удача. Она счастливо избежала ядерного конфликта, хотя несколько наиболее опасных лет балансировала буквально на лезвии ножа. Ну а потом ей не дал погрузиться в мир виртуальных грез и наркотического дурмана грандиозный прорыв в космических технологиях, позволивший нам вырваться к звездам, причем не единичными исследовательскими кораблями, а массово – с помощью колониальных транспортов, оснащенных гипердвигателями. Открытие гиперперехода при тогдашней сумме технологий и фундаментальных знаний можно было назвать откровенным чудом, но нам повезло, и дальний космос дал людям цель и работу на долгие десятилетия. Мы уже было решили, что самое страшное позади, когда грянул Мятёж... Страшный и иррациональный, он поразил сразу несколько крупнейших колоний, а потом перекинулся и в Метрополию. В тот момент я уже служил на лунной базе, и из-за жесткой военной цензуры не знал никаких подробностей, кроме тех, которые доводило до нас руководство. За месяц до гибели базы к нам прилетел транспорт поддержки и выгрузил саморазвертывающийся комплекс противокосмической обороны. Батареи врылись в лунный грунт и встали на боевое дежурство, а транспорт убыл обратно и увез с собой мою Летру. Больше никто из центральных миров к нам не прилетал, пока не появился крейсер мятежников. Полковник Нивен явно что-то знал о том, что происходит в Метрополии и колониях, но мне он этого рассказывать не стал даже перед смертью, а может, просто не успел. Но я для себя сделал один простой, но неутешительный вывод – вырвавшись в космос, мы лишь отсрочили гибель своей цивилизации, и вот теперь накрыло и нас.

Летра говорила, что мы изучаем примитивные цивилизации, чтобы понять, где же ошибка, которая ведет к саморазрушению. Поэтому и существовал запрет на вмешательство – для чистоты эксперимента, так сказать. И вот теперь я здесь, и запрет отменен. Но что делать, я не знаю, вернее, я знаю, чего точно делать не стоит. Я не пойду со своими технологиями и знаниями к властям. Если я хочу что-то изменить и жить здесь долго и счастливо, а потом оставить этот мир своим детям и детям их детей, я сам должен стать властью, причем взять эту власть ненасильственно, по крайней мере, в этой стране. Надежду на то, что за мной кто-то прилетит из Метрополии, я похоронил почти сразу. Что-то в голосе полковника Нивена подсказало мне, что глупо на это рассчитывать. Что ж, будем спасать этот мир от него самого, а заодно спасать и себя, я ведь очень рассчитываю прожить здесь все те полторы с хвостиком сотни лет, которые отмеряны мне природой.

Что-то задумался я о глобальном, а между тем, следовало решать текущие проблемы.

– Товарищ сержант, впереди в полутора километрах дорога. Я слышу шум моторов, – доложил я командиру.

– Может, наши? – влез со своим вопросом шедший справа Борис.

– Красноармеец Чежин, – тут же сделал стойку на нарушение субординации Плужников, – наряд... отставить! Еще раз откроешь рот без приказа и не для доклада – передашь винтовку Синцову. Усвоил?

– Усвоил, товарищ сержант, – сник Борис, – больше не повторится.

Но на меня он продолжал смотреть, с надеждой ожидая ответа на свой вопрос.

– Отряд, стой! – негромко приказал Плужников и сделал знак идущему впереди Синцову остановиться, – Всем соблюдать тишину. Слушай внимательно, Нагулин.

Я прикрыл глаза.

– Колонна идет, товарищ сержант. Грузовики и пехота. Моторы не наши – немцы это, и их много. Одновременно слышу не меньше пяти машин.

– Ну, грузовики понятно, – задумчиво произнес сержант, – хотя я вообще ничего не слышу. Но в прошлый раз с мотоциклами ты все верно сказал, так что и здесь, наверное, слышал правильно. Но пехоту-то ты как услышать мог?

– Оружие позвякивает. И этот звук размазан по широкому фронту. Большая колонна. Не меньше двух рот, я думаю.

– Так, – сержант на несколько секунд задумался, – Чежин, Шарков, догоняете Синцова и остаетесь на месте. Укрыться в зарослях и чтобы ни звука!

– Есть! – негромко ответили красноармейцы.

– Нагулин, за мной!

Когда мы отошли метров на сто в сторону дороги, Плужников тихо произнес.

– Ты хотел о чем-то спросить, Нагулин. Сейчас самое время, спрашивай.

Я вздохнул.

– Товарищ сержант, зачем старший лейтенант Федоров поднял людей в контратаку? Ну, очевидно же было, что из этого ничего не выйдет.

Плужников кивнул. Он явно ждал этого вопроса и заранее заготовил ответ.

– Это война, Нагулин. Жестокая война, в которой есть свои правила, не нами придуманные, не нам их и менять. Устав требует от красноармейца вести наступательный бой. В нем написано, что если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. А наступательный бой заключается в решительном движении всего боевого порядка вперед и ведется путем подавления противника всей мощью огня, атаки его боевого порядка всеми силами. Вот так и действовал товарищ старший лейтенант Федоров. А ты, боец, считаешь, что нужно было бежать?

– Организованный отход перед превосходящими силами противника это не бегство, товарищ сержант, – возразил я, – Бегство – это оставление позиций вопреки приказу вышестоящего командира, а разве у товарища Федорова был приказ оборонять эту железнодорожную насыпь до последнего человека? Или, может быть, у него был приказ атаковать вышедшую из-за леса немецкую ротную колонну? Нет! Приказ у него был совершенно другой. Товарищ старший лейтенант должен был доставить доверенных ему людей в пункт сбора в Умани, где их уже ждали представители частей, понесших потери в боях с врагом. Именно этот приказ, на мой взгляд, и следовало выполнять, учитывая все обстоятельства, включая наличие у нас на руках раненых и отсутствие оружия у большей части отряда. Все, что я предлагал до боя и во время него, было направлено именно на то, чтобы сохранить людей и выполнить приказ командования. А что получилось? Вы же сами все видели, товарищ сержант.

Плужников скрипнул зубами, но промолчал. Видимо, с этой точки зрения он сегодняшний бой не рассматривал. Пользуясь возникшей паузой, я продолжил.

– А что касается устава, так в нем ведь не только наступательный бой предусмотрен. В четырнадцатой статье сказано, что оборона должна использоваться всякий раз, когда нанесение поражения противнику наступлением в данной обстановке невозможно или нецелесообразно. А в двадцать второй статье прямо говорится, что каждый случай является на войне уникальным и требует особого решения, поэтому в бою необходимо всегда действовать, строго сообразуясь с обстановкой. В нашем случае, когда нет цели удержания конкретного рубежа, а противник обладает подавляющим превосходством в силах, устав предписывает такие действия, как подвижная оборона, выход из боя и отход. Все это описано в статьях с четырехста

семнадцатой по четыреста двадцать вторую. Неужели товарищ старший лейтенант всего этого не знал? Не верю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.